

Юлия
КЛИМОВА
КАК
ПОНРАВИТЬСЯ
МАНЬЯКУ

Юлия Климова

Как понравиться маньяку

«Юлия Климова»

2007

Климова Ю. В.

Как понравиться маньяку / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2007

ISBN 5-699-20110-6

Ловить маньяка – затея трудная и нервная. То ли дело поймать его на живца. Следователь Кочкин – парень предусмотрительный. Намеченной жертве знаменитого маньяка Телефониста Олесе Лисичкиной велел сидеть тихо и не высовываться до поры до времени. Но девчонки – народ строптивый. Недолго томилась красавица в своей многоэтажной башне – побежала на люди, предварительно сменив имидж. Накупила со скидкой цветастых балахонов, кирзовые сапожки, обкорнала свои чудесные кудри... Только Телефониста бомжовым прикидом не проведешь, вот и мечется Кочкин между грозным убийцей и энергичной кандидаткой в жмурики...

ISBN 5-699-20110-6

© Климова Ю. В., 2007

© Юлия Климова, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Климова

Как понравиться маньяку

Анне – лучшей подруге и душевному человеку.

Глава 1

Если вас хотят убить, не принимайте это близко к сердцу и постарайтесь найти несколько часов для встречи с лучшей подругой.

- Вы хотите меня убить?
- Да.
- Когда?
- Завтра.
- Я в первой половине дня очень занята, нельзя ли это мероприятие отложить на вечер?
- Хорошо, пусть так.
- А что потребуется от меня?
- Ничего, ваше активное участие не обязательно, я вполне справлюсь сам.
- Прекрасно. Скажу честно, мне не хотелось бы загружать себя еще и вашими проблемами, но все же, если возникнут какие-либо вопросы, обязательно звоните.
- Непременно.
- С вами очень приятно общаться.
- Спасибо, я всегда стараюсь быть вежливым и корректным, хочется получать удовольствие от проделанной работы.
- Уверена, вы все сделаете прекрасно, жаль, не смогу отблагодарить потом.
- Ничего, я все пойму по выражению вашего лица, я, признаться, всегда хожу на похороны своих жертв.
- Как это мило, я и не надеялась, что меня убьет такой чуткий и интеллигентный человек.
- Вы смутили меня.
- Право, не стоит смущаться, и ни в чем себе не отказывайте, после нашей встречи у вас должны остаться только самые приятные воспоминания.

Леська положила трубку, покрутила пальцем у виска и зашлепала босыми ногами на кухню. Что за жизнь, что за жизнь! Сплошное безумие! Вот только дурацких розыгрышей по телефону ей не хватало. Прекрасное начало отпуска! Ну ничего, подыграв этому умнику, она достойно вышла из положения.

– Не на ту напал, разбежался, размечтался, – фыркнула она, шмякая на кусок белого хлеба кругляш докторской колбасы. – Первая свекровь била-била – не убила, вторая била-била – не убила, так что не все так просто, дорогой.

Лисичкина Олеся к двадцати семи годам имела богатый жизненный опыт, переливающийся всеми цветами радуги. Окончив школу, отправилась в педагогический институт, откуда ее выгнали из-за неадекватной любви к преподавателю. Леська забросила учебу и преследовала несчастного доктора филологических наук день и ночь: стены института кричали надписями о ее любви, сам несчастный кричал и рвал на себе волосы от постоянных «случайных» встреч с заиклившей студенткой. Утерев слезы разочарования и обиды, убитая горем Лисичкина поплелась в сторону университета коммерции, где, забыв о прежних чувствах, втрескалась по уши в сокурсника – Митрохина Николая. Оценив стройную сероглазую блондинку по

достоинству, он сделал предложение. Может быть, он и не стал бы торопиться, но Леська на этот раз была умнее и пообещала, что если в ближайшее время не окажется у стен ЗАГСа, то покончит жизнь самоубийством через повешение, причем сделает это во дворе матери Николая. Наверное, до свекрови дошли эти угрозы, потому что целых два года, пока длился их брак, она люто ненавидела невестку. Как-то даже сдала ее в милицию за хранение наркотиков. Увидев на подоконнике пакетик с высушенной травой, она потеряла ручки и на радостях драпанула писать заявление – секундная экспертиза впоследствии показала, что сморщенные зеленые клочки – не что иное, как высушенный подорожник, рекомендованный врачом как средство, помогающее при бронхите.

Второй раз Олеся вышла замуж от скуки. Жизнь на некоторое время замерла, с работой не ладилось, подружки почти все разбежались и уже потихоньку стали рожать. Самооценка поползла вниз. Столкнувшись в супермаркете с Лапушкиным Вениамином, она подумала, что раз заняться больше нечем, то почему бы не осчастливить этого улыбчивого человека? Подарила ему несколько ответных дерзких улыбок, потребовала номер телефона и на следующий день потащила его в кино, где в кромешной темноте поведала о своем трудном детстве и отрочестве. Веня тяжело вздыхал, утешал и медленно, но верно начинал чувствовать свою ответственность за нежное создание, сидящее рядом.

После свадьбы новоиспеченный муж улыбаться перестал, его мама, кстати, тоже. Олеся, привыкшая к безалаберному образу жизни, разбрасывала свои вещи где только можно, часами валялась в ванне, плохо готовила, висла на телефоне и время от времени вносила в устоявшуюся жизнь Вени и его мамы приятные до безобразия сюрпризы. Недовольство Лапушкиных росло, и в один прекрасный день Леську все-таки выставили за дверь. очередной двухгодичный брак рухнул. С гордо поднятой головой она вернулась в свою двухкомнатную квартиру, которую раньше делила с сестрой, но та, решив начать новую жизнь, уехала за границу. Развод случился три месяца назад, так что положенная вялотекущая депрессия присутствовала в полном объеме, смягчал ситуацию только один факт – старенький красный «Форд», полученный от Лапушкиных в качестве отступных, стоял под окном. Мать Вениамина была готова отдать все, что угодно, только бы нерадивая невестка свалила из квартиры как можно скорее. Нет, Олеся не страдала от потери мужа, но развлечений на горизонте не было, и сам факт очередной неудачи в личной жизни плюс потерянные годы давили со страшной силой.

Единственной поддержкой и опорой на данном этапе жизни была лучшая подружка – Кирюшкина Вероника, рассудительная, трезво смотрящая на жизнь и почти добрая особа. Леська договорилась с ней о встрече в кафешке и теперь, поедая бутерброд, ругала себя самыми скверными словами, потому что в животе для пирожных оставалось не так уж и много места, но глупый звонок выбил ее из колеи, и порция положительных колбасных эмоций была просто необходима.

К трем часам Леська перетрясла гардероб, выбрала самый лучший наряд – исключительно чтобы поднять себе настроение, и заспешила к подруге, сахарным пончикам, ванильным десертам и капучино.

– За твой отпуск! – провозгласила Ника, приподнимая чашечку с кофе. – Поздравляю.

– Спасибо, конечно, – скривилась Леська, – но ты же знаешь, я вовсе не хотела отдыхать в апреле – тоска зеленая, а на летние месяцы на работе очередь.

– Да ладно тебе, погода хорошая, смотри в дом отдыха, расслабься. Может, ты там нового мужа встретишь, – Вероника хохотнула и с удовольствием отправила в рот кусочек медового торта. – Все, что ни делается, все к лучшему – старая добрая истина, так что ноги в руки, и дуй на природу.

Вероника к Леське относилась трепетно, но чаще ругала, чем хвалила – считая подругу абсолютнейшим бездарем, воспитывала ее как могла. Правда, отдавала себе отчет, что особо с нравочениями усердствовать не стоит, Леська была хороша сама по себе: красива, обаятельна

и непредсказуема. Ей часто не везло, но в малоприятных поворотах судьбы она и сама была виновата.

– Хватит с меня мужиков, хватит! А замуж уж точно больше не пойду, стирай им, гладь, готовь... Требований целая куча, как у террористов, а у самих даже бомбы нет, в лучшем случае, только ручная граната, не более того.

Леська частенько клялась, что отныне не станет иметь ничего общего с мужчинами, но, будучи особой влюбчивой, постоянно отступала от собственных слов. Сама назначала свидания и сама же потом разочарованно вздыхала.

– Тоже верно, – кивнула Ника. К штампу в паспорте она относилась скептически, хотя в глубине ее души все же жила надежда, что однажды она встретит того единственного и неповторимого, которому захочется сказать твердое «да». Собственно, в этом с Леськой они были очень похожи. Внешность Веронику немного подводила, но длинные черные волосы почти до пояса, большие голубые глаза и воля к победе при случае играли свою роль, и в ее жизни случались яркие, страстные и кратковременные романы.

– Мне какой мужчина нужен?

– Какой?

Леська секунду думала, а потом выдала краткую характеристику желаемого всей душой субъекта:

– Красивый, умный, интересный, честный, притягательный, восхитительный, обворожительный, бесподобный и хотя бы с мизерным чувством юмора. А то что это такое – я позвонил вам сообщить, что скоро вас убью! Ждите, – в Олеськиной голове промелькнул телефонный разговор. – Ну что за ерунда...

– Не поняла? – нахмурилась Ника, отодвигая чашку с кофе. – Кто кого убьет?

– Да позвонил мне тут один деятель, больно вежливый. Я, говорит, скоро вас убью. Ну, я, само собой, не растерялась и пожелала ему успехов в столь нелегком деле. Он-то, небось, дурак, думал – я сейчас перепугаюсь и упаду бездыханная на коврик – не на ту напал!

Леська стукнула кулаком по столу и с сочувствием посмотрела на задрожавшую чашку, а Вика побледнела и с удивлением уставилась на подругу: услышанное ей явно не понравилось.

– Ты хочешь сказать, что неизвестный мужчина позвонил с угрозой...

Леська захохотала:

– Ну ты даешь! Прямо как в кино – официальный тон и тревога в глазах. Нет, я всего лишь хочу сказать, что обделенный умом и чувством юмора товарищ глупо пошутил. Обычно так развлекаются подростки, пухнувшие от безделья, но голос был взрослый и такой... хриловатый.

– А еще он тебе что сказал?

– Не помню, какая разница.

– Огромная!

– Ты чего кричишь-то?..

Дернув молнию кожаной сумочки, Вероника достала газету, развернула ее на нужной странице, положила перед подругой и ткнула пальцем в жирную строчку: «Маньяк-Телефонист подыскивает очередную жертву».

– Читай!

Леська ознакомилась с содержанием небольшой статьи и звонко захихикала:

– Это что... что ты хочешь мне сказать, ой, не могу... Смех да и только... какой маньяк, ну какой...

Вдруг она резко осеклась и с ужасом уставилась на Нику. Веселье на этом закончилось:

– Ты считаешь, это он? Маньяк-Телефонист... позвонил мне?!

– Похоже на то, видимо, нашел новую жертву...

– Как так?

– А вот так.

– У меня отпуск, – выдала Леська, считая это достаточно уважительной причиной для того, чтобы никакие маньяки не смели ее беспокоить.

– Наверное, он об этом не знает, – съязвила в ответ Ника. – Здесь написано, что он выбирает жертву, звонит ей, предупреждает о своих намерениях, а потом в течение двух-трех недель делает свое черное дело. Трех уже убил, между прочим.

– Ты зачем мне эти гадости повторяешь?! Читать, слава богу, я умею, и вообще, убери газету с глаз моих долой, не желаю ничего знать. – Леська шмыгнула носом и вцепилась зубами в пончик. Больше всего ей хотелось, чтобы сегодняшний день оказался дурным сном, о котором завтра она и не вспомнит. Душа дрожала, а ручейки страха, растекаясь по всему телу, вселяли первобытный страх перед неизвестностью. Отрывки из фильмов ужасов мелькали в сознании, заставляя сердце ухать и падать куда-то вниз.

– Давай вспоминай подробности. Если честно, не понимаю, почему ты ничего не слышала об этом, по телевизору сто раз предупредительный ролик пускали, – сказала Ника.

– У меня и так настроение хреновое, я, знаешь ли, не каждый день развожусь, так что мне не до телевизора и прочей лабуды. Я очень занята в последнее время.

– Чем?

– Я страдаю!

– Понятно.

– А фотографии маньяка нет?

– Не-а, – мотнула головой Ника, – вроде бы никто его не видел и живым никто от него не уходил.

– Спасибо, утешила. Отдай мне кусок своего тортика, видишь, я вся в переживаниях. – Леська, не дожидаясь ответа подруги, переложила на свое блюдо коричневый треугольник, обсыпанный орехами и вафельными крошками.

– Ешь на здоровье, кто знает, может, больше уж не придется, – трагично сказала Ника. – Придушит тебя маньяк, в кусты спрячет, и только вой собак будет напоминать о том, что жила на свете такая непутевая дуреха, как Олеська Лисичкина.

Леська поперхнулась и вернула торт обратно.

– Не могу, не могу я в это поверить! Пусть он убьет кого-нибудь другого! Я вообще не понимаю, что он во мне нашел, ничего же особенного.

– Не скажи, – покачала головой Вероника, – ты блондинка, а мужиков это во все времена цепляло. Эффектная, стройная, одеваешься хорошо. Он же, бедняга, ничего не знает про твой перевернутый вверх ногами внутренний мир.

– А давай ты с ним встретишься и расскажешь, какая я нехорошая, он передумает и подыщет для своих милых шалостей более подходящую кандидатуру.

Леська хотела добавить: «Может, и на тебя обратит внимание», – но не стала.

– Мне в принципе не сложно, – вздохнула Ника, понимая, что у подруги сейчас серьезный стресс, – но я не имею никакого представления, где можно найти этого оригинального человека.

– А о чем ты вообще имеешь представление?! – негодуяще выдала Леська. Бросила ложечку на стол и надула губы. То, что подруга не носится по кафе, не рвет на себе волосы и не предлагает свою кандидатуру вместо нее, она сейчас расценивала как абсолютное предательство, простить которое было практически невозможно.

– Не паникуй, дело, конечно, дрянь, но безвыходных ситуаций не бывает. Во-первых, надо топтать к следователю, в газете есть адрес и телефон, куда обращаться в случае чего, во-вторых, ты должна вспомнить каждое слово маньяка... Кстати, ты голос его помнишь? Узнать сможешь?

– Нет, какое там, я же не знала, что это Телефонист – известный всем душегуб. Я с ним так мило поговорила... Хотя, может быть, и смогу узнать... У меня паника!

Олеська закатила глаза, пытаясь показать подруге, как все ужасно и как тяжело на свете жить.

– А на чем вы расстались? Он не называл никаких дат или чего-нибудь конкретного?

– Нет, я ему сказала – ни в чем себе не отказывайте... – Леська скривилась, шумно всхлипнула и зарыдала. – Дура, какая же я дура, теперь каждый день буду смотреть телевизор и читать газеты...

– Про радио не забудь.

Вероника с сочувствием смотрела на подругу, понимая, что выплакаться ей надо и в такой момент мешать не следует: сейчас оторвет свое, очнется от горестных мыслей и станет прежней – схватит первое, что подвернется под руку, и пойдет громить все и вся, особо не вдаваясь в подробности. Леська хоть и была ленивой, но природная упертость в ней присутствовала, а против такой великой силы не попрешь. Ника глотнула кофе и попыталась вспомнить все, что слышала про Телефониста. Ситуация плачевная, но не стоит умирать раньше времени.

Объявился он относительно недавно – полгода назад. На его счету три жертвы: студентка университета, домохозяйка и художница. Все убиты – задушены. Никакие приметы маньяка неизвестны. По какому принципу он отбирает потенциальных жертв, нигде не сообщалось. Единственно известный факт – Телефонист всегда предупреждает выбранную женщину заранее о том, что ее ждет, видно, получает особое удовольствие от растянувшихся на дни чужих переживаний. Хотя ни студентка, ни домохозяйка, ни художница особо о телефонном разговоре не задумывались, а рассказывали родственникам об этом моменте как о шутке. Вот и Леська пошла по такому же пути. Хорошо, что в газетной статье предупреждали об этом и просили быть более бдительными.

Всхлипы почти затихли, и Вероника внимательно посмотрела на подругу – именно сейчас, по ее предположениям, та должна была окончательно прийти в себя и подумать о выходе из наметившегося тупика.

– ...порчу, что ли, на меня навели, да что же это делается, люди добрые, – Леська ныла уже не от отчаяния, а просто чтобы понять. – Ну ничего, я вам всем покажу, я вам всем задам, узнаете, что такое дважды разведенная женщина на тропе войны! Расплодили маньяков, плюнуть некуда, ну ничего – Леся Лисичкина наведет порядок, через три дня в Москве ни одного маньяка не останется. Леся Лисичкина – это вам не какая-нибудь тетеха, это практически санитар леса, гроза преступности...

Вероника довольно улыбнулась: вот теперь с подругой можно разговаривать, теперь она ее услышит.

– Надо топать к следователю, он объяснит, что делать и, возможно, приставит охрану.

– Точно, – согласилась Леська. Воображение тут же нарисовало двухметрового красивого парня с очаровательной улыбкой, сжимающего в руках черный автомат. Именно такой охранник ей и нужен! А еще – чтобы был в бронежилете, и чтобы у него был ненормированный рабочий день.

– Эх, меня с тобой в кабинет не пустят, жаль. Ты там не теряйся, сама задавай вопросы, пусть скажут, что да как, чего опасаться, а чего не стоит. Поняла?

– Ага, – Леська расправила плечи и кивнула. Ника может не сомневаться, уж она вытрясет из следователя все, что только можно, и даже больше. А то ишь ты, сидят они там в мягких креслах, какого-то мужичонку поймать не могут, а ей тут с ума сходи, подозревай каждого встречного-поперечного! – А может, мне лучше в тюрьму попроситься?

– Чего? – не поняла Вероника.

– Если бы меня заперли в камере, то ни один Телефонист до меня бы не добрался. А что? Жила бы там припеваючи, ты бы мне еду носила...

– А если они маньяка еще десять лет искать будут, ты так и будешь за решеткой сидеть? Отмотаешь срок, как за ограбление с огнестрелом?

– Ладно, тюрьма отпадает, – махнула рукой Леся, хотя воображение уже рисовало каменные стены с душераздирающими надписями «здесь был Вася», жесткую постель, как у осужденных революционеров, мешок писем, полученных со всего света со словами поддержки, и опять же – двухметрового охранника, стоящего в дверях с автоматом наперевес. – Тогда буду сидеть дома. Как ты думаешь, Телефониста это отпугнуть может?

– Не знаю, – пожала плечами Вероника, – как я понимаю, маньяки – это такие чокнутые люди, которых если переключило, то уже хоть об стену головой бейся, а они от своего не откажутся.

– Я дверь гвоздями забью.

– Тоже выход. Но вот мне почему-то кажется, что с помощью тебя этого маньяка и будут ловить, – Вероника нахмурилась и забарабанила пальцами по столу.

– Это в каком смысле?

– Отведут в темный лес, оставят одну на поляне и будут наблюдать из-за деревьев – не идет ли Телефонист с удавкой в руках?

– Я так не согласна, – замотала головой Леся. – Я не червяк какой-нибудь, чтобы лезть на крючок!

– Пока тебе ничего посоветовать не могу, вернее, рано еще принимать окончательные решения. Сейчас доедаем пончики и тортики и направляемся к следователю. Ты, главное, будь там поувереннее, чтобы они не особо расслаблялись и искали маньяка получше.

Мотор старенького «Форда» приветливо зарычал, сообщая взволнованным девушкам, что рад их доставить куда угодно. Леся окончательно перестала мысленно прощаться с родственниками и друзьями и приготовилась к бою. Умирать категорически не хотелось, она даже посчитала, сколько можно еще раз выйти замуж, если на каждый брак, уже по сложившейся традиции, отводить по два года. Цифра получилась внушительная, от такого количества перспективного счастья отказываться было глупо. Мало ли кто там чего хочет, у нее-то свои планы на жизнь, это если так под каждого маньяка подстраиваться, то и с ума сойти не долго.

– А хорошо, что твоя вторая свекровь – Инесса Павловна – и Вениамин откупились машиной.

– Да, это я удачно замуж сходил, – усмехнулась Леся.

Глава 2

Если вы хорошо подумали и пришли к выводу, что умирать в ближайшее время от рук маньяка вовсе не хочется, и вы к тому же не замужем, то не сидите на месте – отправляйтесь в прокуратуру, там есть мужчины на все случаи жизни.

Максим Григорьевич Кочкин поставил на поднос тарелку с яйцом, залитым майонезом, тарелку с борщом, тарелку с картофельной запеканкой и, прихватив хлеб и чай, направился к столу у окна. Настроение было неважное. Три зависших убийства, маньяк, два туманных ограбления, разбитая фара на дряхлой «восьмерке», пятьсот рублей до зарплаты, сломанная молния на ветровке, изжога, которая обязательно появится после борща, и вечерние смотрины под чутким взглядом родительницы. Да, Максим Григорьевич не был женат – как-то вот дотянул до тридцати семи лет, так никому и не сказав: «Будьте моей женой!» Особо по этому поводу он не переживал, но так случилось, что по этому поводу очень переживала его мама. Бездействия Капитолина Андреевна не признавала и регулярно, два-три раза в месяц, знакомила сына с разнокалиберными невестами. Первое время Кочкин сопротивлялся, но родительница пригрозила – пообещала переехать к нему жить, и он, потупив взор, согласился на все условия, лишь бы не получать на завтрак, обед и ужин постоянные нотации.

Смотрины обычно были приурочены к ужину. Капитолина Андреевна волокла сына к невесте, где, улыбаясь до ушей, придирчиво оценивала стряпню хозяйки. Зная, что Максимка любит поесть, она придавала особое значение поварским способностям будущей жены. Кочкин верил в судьбу и к смотрам относился скептически, да и никто до сих пор в его душе не оставил хоть какого-нибудь следа. Наловчившись определять по жестам и мимике матери, кто ей нравится, а кто нет, он начинал говорить комплименты неугодной, чем безумно раздражал свою родительницу. Капитолина Андреевна сердилась, ругалась и никак не могла понять, почему же их вкусы не совпадают.

– Паршивый денек, – буркнул Кочкин, глотая столовую ложку будущей изжоги. Без супа он обойтись не мог – чувствовал себя голодным, жалким и никому не нужным, поэтому предпочитал слопать тарелочку горячих щей или борща, а потом разводить соду водой и тушить образовавшийся в организме пожар. Объяснить, почему на него наваливалась такая кручина при отсутствии на столе первого блюда, он не мог, возможно, тут играли роль семейные обеды, которые в далеком детстве были обязательным ритуалом по субботам и воскресеньям.

– Н-да, – протянул Максим Григорьевич, вспомнив круглый стол с льняной скатертью и белую с розовыми цветочками супницу. А может быть, плюнуть на все и жениться на первой встречной? Долой страхи, робость и сомнения, живут же другие... Кусочек картофельной запеканки, наколотый на вилку, замер в воздухе, и на брюки шлепнулась жирная капля молочного соуса. – Н-да, – протянул еще раз Кочкин, понимая, что химчистки теперь не избежать.

Размышляя над тем, остановить свой выбор вечером на очередной невесте или нет, он поднялся в свой кабинет. Ничто не предвещало кардинальных изменений в жизни полноватого, неуверенного в себе следователя. Из окна все так же проникало солнце, разливаясь желтыми лужами на подоконнике и столе, а бумаги с пометками о нераскрытых преступлениях с неммым укором все так же лежали поверх пухлых папок.

– Н-да, – в третий раз протянул Максим Григорьевич, понимая что за время его отсутствия картина не изменилась – убийцы чудесным образом не нашлись, а ограбления не растаяли в воздухе, как дряблые миражи.

В дверь постучали.

– Войдите, – громко сказал Кочкин, тяжело вздохнув.

Появившаяся девушка, пытаясь подобрать нужные слова, на секунду замерла на пороге, затем тряхнула копной светлых волос и, решительно подойдя к столу, села на стул.

– Меня хочет убить маньяк, – выпалила она, с вызовом посмотрев на следователя.

– Прекрасно, – ответил Кочкин, пытаясь приблизительно посчитать, сколько ненормальных дамочек приходило к нему на этой неделе с подобным заявлением. Некоторые даже жаловались на своих мужей, надеясь, по всей видимости, отдохнуть несколько дней в одиночестве, пока правоохранительные органы будут разбираться, что к чему.

– Что же здесь прекрасного? – поинтересовалась Леська, внимательно разглядывая следователя. Не зря он ей сразу не понравился: полноватый, волосы рыжие, рубашка слегка мятая, задумчивый какой-то – короче, на двухметрового красавца с черным автоматом не тянет.

– Извините, я хотел сказать, выкладывайте все, что наболело.

Леська достала газету, положила ее на стол и ткнула пальцем в статью:

– Вам это знакомо?

– Конечно, статья написана по моей просьбе.

– Прекрасно, значит, с этой минуты вы несете полную ответственность за мою жизнь, с чем вас и поздравляю!

– Вас как зовут? – Пока Максим Григорьевич понимал только то, что визит светловолосой красавицы как-то связан с Телефонистом. Поведение девушки настораживало – слишком взволнована, слишком напориста.

– Лисичкина Олеся Владимировна, вот пропуск. Вы почему, товарищ следователь, так плохо работаете?

У Кочкина сразу же началась изжога. Сначала во рту появился неприятный привкус, а в горле зашипало, потом мучительное жжение расплзлось в разные стороны, заставляя Максима Григорьевича кривить губы и морщиться.

– Вы по какому вопросу, излагайте конкретно! – рявкнул он, срывая на Леське свое плохое самочувствие.

– Дело касается маньяка... Телефониста, – теряя некоторую уверенность, ответила она. Странный какой-то следователь, кривится что-то... Олеся стрельнула глазами на Максима Григорьевича и поджала ноги под стул. – Здесь написано – обращаться к вам по любым маньячным вопросам, а также указано, что вы будете рады любой информации, связанной с Телефонистом, вот я и пришла. А радости на вашем лице что-то не наблюдается.

– Я рад, очень рад, – развел руками Кочкин, мечтая о стакане воды с содой.

– Этот гад позвонил мне сегодня и пообещал убить. В мои планы подобное мероприятие никак не вписывается, так что будьте любезны, оградите мое хрупкое бесподобное тело, особенно – область шеи, от рук вашего неуправляемого маньяка.

– Он позвонил вам? – изумленно спросил Кочкин, забыв на секунду об изжоге.

На такое везение Максим Григорьевич даже не надеялся! Начальство пилило, трупы прибывали, а свет в конце тоннеля даже не мелькал. Чтобы хоть как-то остановить это безобразие, пришлось срочно пускать короткий ролик по местному каналу телевидения и печатать статью. Кочкин боялся, что маньяк теперь начнет осторожничать и перестанет предупреждать жертв о намеченном покушении, но иначе он поступить не мог – район и без того гудел, да и кто знает, может, таким образом удастся спасти кого-нибудь.

– Ну да, я же говорю – позвонил и пообещал убить. Требую защиты и... – Леська на секунду задумалась: потребовать от следователя хотелось как можно больше, – ...и путевку в дом отдыха, где я смогу спрятаться и восстановить расшатавшуюся за сегодняшней день нервную систему.

– Подождите, подождите, Олеся Владимировна, – заглядывая в листок пропуска, сказал Максим Григорьевич, – давайте не будем отвлекаться на мелочи. Для начала, пожалуйста, перескажите ваш разговор с Телефонистом.

Поняв, что никакая путевка на горизонте не маячит, Леська вздохнула и выдала все, что помнила. Информация оказалась скудной и зацепок не предоставляла.

– Может быть, вас разыграл кто-нибудь из знакомых?

– Да кому я нужна! То есть, я так не думаю.

– Особенности в его голосе были? Заикался, не выговаривал буквы, картавил...

– Да нет, немного хрипел, а так все как у людей.

– А на шумы на заднем плане не обратили внимание?

– Что-что?

Кочкин встал и заходил по комнате:

– Не раздавалась ли музыка или еще какие-нибудь звуки?

– Я не знаю, – пожала плечами Леська, – я в тот момент совсем о другом думала. У меня отпуск, между прочим. Делать-то что будем? Я вам со всей ответственностью заявляю: хочу дожить хотя бы до пенсии и умирать сейчас отказываюсь.

– Не волнуйтесь, ваша безопасность отныне будет под контролем. – Максим Григорьевич кивнул и призадумался. Девушка, похоже, говорила правду, во всяком случае, к ее словам не прилагался список неугодных соседей, которых просто необходимо в считанные часы посадить за решетку, а еще лучше – расстрелять публично на площади у ближайшего кинотеатра. Могли ее и разыграть, но отмахиваться от звонка нельзя. Кочкин с интересом посмотрел на Леську и попытался понять, чем она могла привлечь маньяка, помимо своей красоты. Три убитые женщины имели разные внешние данные, и сказать, что Телефонист выбирает только красоток, было нельзя. А вот по какому принципу он подыскивает себе жертв, до сих пор оставалось загадкой – ничего общего между студенткой, домохозяйкой и художницей уловить так и не удалось.

– Вы почему так на меня смотрите? – поинтересовалась Леська, подозревая, что следователь или ее в чем-то подозревает, или сам является законспирированным маньяком.

Максим Григорьевич смутился, растерялся и почувствовал еще одну волну изжоги.

– Сравниваю вас с убитыми, – наконец признался он, возвращаясь за стол.

– Надеюсь, я намного красивее их?

– Пожалуй, да.

– Вы не уверены? Мне это не нравится, – Леська надулась и закидала следователя укоризненными взглядами. Да что он себе позволяет – она самая красивая жертва маньяка, иначе и быть не может!

– Утешьтесь тем, что вы, в отличие от них, живая, – сказал Кочкин назло, чтобы девушка не слишком-то задавалась и поняла, кто здесь главный.

– Вот когда он меня убьет, вы пожалеете о своих словах! Наверняка, кидая горсть земли в мою свежую могилку, будете плакать и просить прощения, что не поддержали в трудную минуту. А я вас не прошу. Что вы улыбаетесь, немедленно меня спасайте!

Максим Григорьевич улыбался, потому что Леська казалась ему забавной и потому что в голове мелькнула замечательная мысль: «Если бы я был маньяком, я бы ее тоже захотел убить!»

– Давайте попытаемся понять, почему Телефонист выбрал именно вас, – сказал он. – Расскажите о себе и попытайтесь вспомнить, где вы бывали в последнее время и какие интересные, странные, может быть, неприятные события произошли в вашей жизни за последний месяц.

Леська, чувствуя себя важной персоной, охотно стала выполнять поставленную задачу: коротенько пробежалась по биографии, призналась, что первая свекровь пыталась ее посадить за хранение наркотиков, жалобно всхлипнула, рассказывая о безвременной кончине второго брака, и замолчала. Ничего значительного за последнее время с ней не случилось, никто даже на ногу не наступил ни разу.

– А как обстоят дела на работе? – поинтересовался Кочкин, хмурясь. Зацепок по-прежнему не было.

– Одно и то же с утра до вечера, поболтать толком некогда. Я помощником менеджера работаю – бумажная волокита и вечно разрывающийся телефон.

Максим Григорьевич задал еще несколько вопросов и наконец-то перешел к основной части беседы – Олесю Лисичкину необходимо было спастись.

– Вам есть где пожить, пока Телефонист не будет пойман?

Леська разочарованно посмотрела на следователя. Она уже настолько смирилась с ролью главной жертвы всех времен и народов, что предложение отсидеться в какой-нибудь норе показалось ей почти оскорбительным.

– Есть, – зло бросила она, закидывая ногу на ногу. Вздернула нос, сдунула с глаз челку и спросила: – А сколько еще лет вы планируете его искать? Мне почему-то кажется, что из укрытия я выйду уже седая, сморщенная и беззубая. А я, между прочим, замужем была только два раза, у меня вся жизнь впереди!

Кочкин, с одной стороны, загрузил – ответственность за девушку уже душила, а с другой стороны, порадовался – маньяка ловить надо, а делать это с помощью приманки намного перспективнее.

– Значит, так, – сказал он, – вот вам лист бумаги и ручка, пишите все, что вы мне только что рассказали, укажите свой адрес и все телефоны, по которым можно с вами связаться.

Через час Леська уже направлялась к красному потрепанному жизнью и второй свекровью «Форду». Вероника в ожидании подруги курила, слушала музыку и листала журнал со слезливыми историями и анекдотами.

– Ну что? – спросила она у Леськи, как только та села за руль.

– Фигня!

– В каком смысле?

– Следователь невыдающийся.

– В каком смысле?

– Невысокий, пухлый и рыжий.

– Это тут при чем! И что у тебя только в голове! Маньяка он ловить собирается?

– Собирается, только вот не знает как. Прочитал мне лекцию по безопасности. Вечером на улицу не ходить, одной нигде не появляться, ни с кем не знакомиться и так далее. Дал кучу телефонов, велел звонить по любому пустяку: если что вспомню, или кого-нибудь заподозрю, или почувствую, что за мной следят. Завтра утром мне поставят какую-то штуку на телефон, вроде определитель номера с функцией записи разговора. И сказал, что теперь за мной будут приглядывать.

– Это как?

– Вроде маньяк не должен знать, что я теперь под охраной, хотя если он сейчас где-нибудь поблизости, то уже знает...

– Гарантии этот следователь какие-нибудь дал?

– Пообещал, что я не умру. Я с него клятву взяла, стукнула кулаком по столу и сказала: клянись своей рыжей головой, что Телефонист меня не приберет и что я доживу до тех преклонных лет, когда хочется писать мемуары и встречаться с молодыми мужчинами.

Вероника покосилась на подругу и вздохнула. В этот момент она не знала, кого ей больше жалко – Леську, маньяка или следователя.

* * *

Ужина Капитолина Андреевна Кочкина ждала с нетерпением. Каждый раз, отправляясь на смотрины, она свято верила, что именно в этот день и решится судьба ее застенчивого Мак-

симушки. Год назад она проснулась с гениальной идеей: найти сыну невесту самостоятельно, и с тех пор жила только этими поисками. Всканивала в девять утра и сразу же начинала обзванивать приятельниц, знакомых и родственников. Все, как могли, помогали Капитолине Андреевне в ее нелегком деле и при случае подкидывали телефончик очередной скучающей и умирающей от тоски невесты.

– Максимушка, ты еще долго? – Капитолина Андреевна пригладила короткие седые волосы и одернула юбку. Кто знает, может быть, именно сегодня ее сын встретит замечательную женщину: добрую, хозяйственную и покладистую.

– Готов, – объявил Кочкин, выходя из ванной. Сменив рубашку и пиджак на тонкий свитер, он не только внешне, но и внутренне подготовился к худшему – к двум-трем часам стыда.

– До чего же ты у меня красавец, – сгорая от материнской любви, выдала Капитолина Андреевна. Гордо выпрямила спину, выставила вперед объемную треугольную грудь и, как эсминец, прошествовала к двери. Кочкин, несколько раз вздохнув, засеменил следом.

Невестой оказалась высокая, худющая сорокатрехлетняя Галочка. Она приготовила отличный ужин, за который Капитолина Андреевна мысленно ей дала девять баллов. Десять баллов она не ставила никому, так как считала, что такой искусницы, как она сама, больше нет. Галочка тараторила, практически не останавливаясь, хихикала и размахивала руками, изредка попадая острым локтем Кочкину в бок. Он морщился и внимательно следил за реакцией матери. Галочка ей нравилась – значит, надо быть осторожным, цепко выискивать и запоминать недостатки, чтобы потом не поспорить с матерью до утра, а четко и ясно изложить свою позицию.

– А вы, Максим Григорьевич, молчун, – кокетливо выдала Галочка, теребя верхнюю пуговицу блузки. – Расскажите, пожалуйста, про свою работу, я слышала, вы ловите преступников?

Капитолина Андреевна засветилась и закивала – работой сына она очень гордилась.

– Даже не знаю, что рассказать, – посмотрев с грустью на свешивающийся с тарелки сырный салат, сказал Кочкин. Аппетита не было совершенно, но, как ни крути, хозяйку уважить надо. Он взял вилку и для начала отправил в рот блестящую полоску филе селетки. – Борюсь с преступностью с утра до ночи.

Галочка захлопала в ладоши, и следователю показалось, что он слышит, как гремят костяшки ее пальцев. Сегодня ему особенно хотелось побыть одному – светловолосая девушка Олеся не выходила из его головы. Но Кочкина она интересовала только как ниточка, ведущая к Телефонисту. Пора уже выйти на след маньяка, и сейчас есть шанс схватить его за руку. «Что вы улыбаетесь, немедленно меня спасайте!» – вспомнил он слова Леськи и улыбнулся. Да, девушку надо спасать. Она пообещала, что до утра просидит дома с подружкой – это хорошо. Завтра он с Игорем, своим помощником, обязательно с ней встретится и поговорит еще раз. Надо многое продумать...

– ...а я так люблю криминальные сериалы, чтобы стрельба и трупы на каждом углу, – донеслась до Максима Григорьевича пылкая речь щуплой Галочки.

Смотрины наконец-то завершились и, к счастью Кочкина, спорить с матерью не пришлось. Вдохнув ароматный весенний воздух, она удрученно изрекла:

– Не подходит. Старая и тощая – троих детей родить не сможет.

Так Максим Григорьевич узнал о том, сколько у него должно быть детей.

Глава 3

На следователя надейся, а сам не плошай.

Развалившись на диване, Леська решала наиважнейший вопрос – пить или не пить? В шкафу стояли две бутылки вина, и при желании можно смело окунуться в мир алкоголя и беззаботности. Завтра будет трещать голова, значит, до обеда мысли о маньяке не появятся – неплохой выход из положения. С другой стороны, как-то жалко последние дни жизни тратить на похмелье. Олеся вздохнула и покосилась на Веронику.

– А давай...

Договорить она не успела, так как подруга, хмуро поглядывающая на пустую пачку сигарет, резко ее перебила:

– Нет, пить мы не станем.

Угадать, о чем думает Леська, Нике было нетрудно, у нее самой в голове вертелись точно такие же мысли, но расслабляться нельзя, не время сейчас.

– И что теперь делать? Так от тоски можно засохнуть.

– Пойди поешь, – пожалала плечами Вероника.

– Я уже три раза ужинала, так и в гроб потом можно не влезть.

– Ничего, мы тебе на заказ сделаем – большой, прочный и красивый.

Леська вздохнула и уставилась в потолок. Вспомнила следователя, заворочалась и нахмурилась – нет, такой неповоротливый желудь Телефониста не поймает. Или поймает, но только через сто лет. Что он там говорил?.. Неизвестно, почему маньяк выбрал именно этих женщин...

– Слушай, – сказала она, – а как ты думаешь, почему Телефонист на меня запал?

– Может, потому, что ты красивая? Никто не знает, что там у него в голове творится, одно слово – чокнутый. Вообще, их всех на внешности клинит, кому-то курносый нос покоя не дает, а кого-то деталь одежды беспокоит.

Леська задумалась. А не изменить ли себя до неузнаваемости, может, повезет и у маньяка пропадет желание убивать ее? Придет, посмотрит и передумает. Встретившись взглядом с Вероникой, она поняла, что та сейчас думает о том же.

– Надо подстричься и перекрасить волосы, – решительно сказала Олеся.

– И полностью сменить имидж, – кивнула в ответ Ника.

Через пять минут содержимое шкафа валялось по всей квартире – девушки перебирали скопившееся за годы барахло в поисках давно забытых вещей.

– Все одно и то же, – негодуя откидывая в сторону розовую водолазку, сказала Леся. – Я вообще не понимаю, как можно что-то выбрать из того, что у меня есть... Вдруг он среагировал на одну из этих кофт? Необходимо купить новую одежду, лучше в цветочек, я его никогда не переваривала и не носила ничего подобного.

– Тогда собирайся, пошли в магазин.

– Не могу.

– Почему?

– Я следователю слово дала, что из дома сегодня не выйду. Давай ты сама что что-нибудь купишь и принесешь, только не слишком кошмарное.

– Ладно, – согласилась Ника и направилась к двери.

– Стой! – воскликнула Леська. – Пойдем вместе, я одна оставаться боюсь.

Вечерняя прохлада немного освежила мысли и чувства, но страх все же не отступил. Олеся шла, оборачиваясь и дергаясь, подозревая каждого встречного в преступных намерениях. Вцепившись в рукав Никиной куртки, она ойкала и шумно вздыхала.

– Только не смотри сразу, – прошипела она около мигающего лампочками клуба игровых автоматов, – вон парень на углу стоит, с перекошенным лицом, в шляпе, мне кажется, это Телефонист – уставился на меня и глаз не отводит!

– Расслабься, он ненастоящий, это кукла для рекламы и завлечения посетителей в клуб.

– Фу, гора с плеч, – выдохнула Леська, переводя взгляд на противоположную сторону дороги. – Хорошо, что у тебя такая замечательная работа и ты можешь дежурить возле меня целыми днями, а то я бы сошла с ума от страха и одиночества.

– Да, хорошо, – кивнула Ника, вспоминая своих учеников-лоботрясов, с которыми она три раза в неделю занималась английским языком. – Только как бы мне не сойти с ума рядом с тобой.

– А в какой магазин пойдем?

– В тот, что за аптекой.

Леська страдальчески посмотрела на подругу, кивнула и махнула рукой – мол, что уж теперь, если надо одеться как пугало, то лучшего места, где можно прикупить самую ужасную на свете одежду, не придумаешь. Магазин славился скидками, отделом товаров для полных, дешевыми джинсами, рабочей одеждой и закутком с обувью, в которой все же лучше лежать в гробу, чем передвигаться по улицам.

– Это кошмар, – выдохнула Леська, проводя рукой по вешалкам. – Лучше умереть!

– Отставить нытье и панику, – скомандовала Ника, выбрав для начала серую юбку с розовыми рюшами и накладными карманами. – Может быть, маньяк с собой покончит, когда увидит тебя в этом.

В руках Вероники росла куча из разноцветной одежды, а в Леськиной душе росло и крепло непреодолимое желание бежать отсюда куда подальше со скоростью пули. В примерочной тоска совсем заела, и Олеся, очень надеясь получить приличную порцию жалости, начала всхлипывать:

– Это не мой размер, я же не беременная, чтобы носить балахон! А там нет ничего в обтяжку?

– Я что-то не пойму, ты хочешь маньяка разочаровать или мечтаешь ему понравиться? – Ника была непреклонна. – Надень эту кофту.

– У-у-у-у, – завывала Леська, разглядывая цветастый мешок с бантиками на рукавах. – У моей прабабушки было нечто подобное.

– А сколько раз она была замужем?

– Четыре.

– Тогда надевай, значит, бабулька твоя разбиралась в моде, не зря же столько мужиков подцепила, – приободрила Ника, расправляя зеленый бантик. – Ретро, понимать же надо!

Прикупив три платья, две юбки, объемную куртку, три кофты и пару жестких ботинок, девушки покинули магазин. Леська пребывала в катастрофическом настроении. Представляла, что будет чувствовать, если встретится в таком виде с соседями или сослуживцами, и внутренне рыдала. А ведь еще предстояло изменить прическу и цвет волос.

– Наверное, после этого позора мне придется переехать в другую квартиру и сменить работу, – задумчиво сказала она, вылезая из машины.

– Возможно, – ехидно ответила Ника, заглядывая в пакеты с одеждой.

Около подъезда на скамейке сидел симпатичный парень, вытянув ноги вперед, он курил и с интересом наблюдал за суетливыми движениями Олеся.

– Ты откуда такая нервная? – крикнул он, кивая на плохо припаркованный «Форд» – чумазый зад его слишком уж выпирал из общего ряда машин.

– Это кто? – поинтересовалась Ника.

– Эдик, живет этажом ниже, прямо подо мной, – ответила Леська. Следующие ее слова предназначались уже молодому человеку: – Привет. Станешь тут нервной, не жизнь, а болото, чувствую себя пиявкой в ожидании Дуремара с сачком.

Она подошла к двери и дернула ручку, Эдик пожал плечами и сделал глоток из узкой бутылки с пивом, облизал тонкие губы и с интересом посмотрел на Нику. Но девушка, видно, его не зацепила, и приставать с дежурными фразами он не стал.

– Он парень неплохой, – сказала Леська подруге, поднимаясь по ступенькам. – Одно время я даже была в него влюблена, сходили пару раз в кино, на этом все и закончилось. Приятельские отношения нам как-то ближе.

Перемерив купленные вещи несколько раз, выслушав ободряющие слова от подруги, Олеся смирилась с ситуацией и стала себя морально подготавливать к стрижке. Первой мыслью было – собрать волосы в злобный пучок и на этом изменения прически закончить, но, побоявшись, что Телефониста притягивают именно длинные волосы, она решила распрощаться с пятнадцатью сантиметрами своей красоты и потом из остатков соорудить на голове что-нибудь отпугивающее не только распоясавшихся маньяков, но и даже здоровых людей.

– Стриги, – уверенно сказала она, протянув Веронике ножницы. Та ободряюще похлопала подругу по плечу и приготовилась к работе парикмахера – выдвинула на середину комнаты стул и указала на него пальцем.

– Тебе надо составить завещание, – важно сказала Ника, еле сдерживая улыбку. Ножницы зачикали, а нити светлых волос посыпались на пол.

– Я умирать не собираюсь, – боясь пошевелиться, выпалила Леська.

– Это понятно, но предусмотрительность никогда не помешает. Например, мне бы ты могла завещать машину...

– Я вот сейчас подумала: а не ты ли и есть этот маньяк? Что-то ты слишком сильно интересуешься моим имуществом!

– Так зачем добру пропадать, ты на кладбище, а я за руль «Форда» – и тебе комфортно, и мне уютно.

– Злая ты, – фыркнула Леська и надулась. – А вот интересно, чем сейчас занимается следователь?

– Спит, наверное.

– Нет, он, должно быть, бегает по улицам с большим пистолетом и ищет Телефониста. Рубашка расстегнута, глаза горят, а сердце выстукивает: «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...»

– Размечталась, прямо эротические фантазии у тебя, – протянула Ника, понимая, что ровно подстричь волосы подруги ей не удалось.

Глава 4

Если убили не вас, а кого-то другого, не считайте себя неудачницей – и до вас придет очередь.

Максим Григорьевич пришел на работу, как всегда, вовремя, выпил кофе, выкурил сигарету и поморщился – мысли о вчерашней Галочке никак не отпустили. Надо, надо заканчивать с этими смотринами, нельзя же быть таким тюфяком, который робеет, как мальчишка, перед собственной матерью.

– Дорогая мама, – начал он репетировать речь, – я уже взрослый человек и сам разберусь, жениться мне или нет...

Представив, как брови матери при этих словах встретятся на переносице, он вздохнул и пробормотал:

– Хорошо, я схожу еще на одни смотрины, но это в последний раз, давай так и договоримся.

Посчитав, что наилучший вариант выхода из положения найден – с одной стороны, уступил, с другой стороны, отказался, он счастливо улыбнулся. Еще одну встречу с очередной невестой он как-нибудь вытерпит, зато потом будет купаться в долгожданной свободе!

В кабинет зашел Игорь – помощник и приятель, с которым можно поговорить не только о трупах и очных ставках, но еще и перекинуться несколькими словами «за жизнь». Парню было двадцать девять лет, на жизнь он смотрел просто и изредка выручал дельными советами. Имея притягательную внешность, Игорь пользовался бешеным успехом у дам, но на работе романов не заводил, не желая таким образом размножать проблемы. Расставался с подругами легко, плавно перетекая от одной красавицы к другой.

– Ты что такой задумчивый, Максим Григорьевич? – спросил он, плюхая на стол синюю папку.

– У тебя мать есть? – поинтересовался Кочкин.

– Есть.

– Вот и у меня тоже. – Он вздохнул и с тоской покосился на пачку сигарет. Месяц назад Кочкин надумал бросить курить, делать это решил постепенно и с тех пор больше трех сигарет в день себе не позволял.

– Житья не дает? – участливо спросил Игорь.

– Не дает, – еще один вздох. – Требуется, чтобы я женился.

– Ты, Максим Григорьевич, слишком уж мягкий человек, построже надо быть.

– Я бы рад, но не получается. Вроде настроюсь, слова нужные заготовлю, а как до дела доходит, то теряюсь...

Телефон зазвонил, и Кочкин услышал голос дежурного:

– Нашли труп. Похоже, ваш маньяк опять накуролесил...

Волнение захлестнуло душу Максима Григорьевича, он сразу же подумал об Олесе Лисичкиной, светловолосой девушке, еще вчера сидевшей на стуле возле его стола. Он клялся своей рыжей головой, что уберет ее...

– Молодая девушка? – перебил он.

– Вроде да.

– А волосы какого цвета?

– Да я не знаю пока ничего, старик труп нашел, когда бутылки собирал...

Выслушав мизерную информацию, Кочкин, размахивая руками, пересказал все Игорю, и они дружно бросились к месту преступления. «Только бы не она, только бы не она!» – стучало в голове следователя.

На заборе, заботливо окружающем строительный рынок, красовались всевозможные надписи, пожалуй, местные подростки времени даром не теряли – грамматика страдала, но зато можно было узнать телефоны всех легкодоступных Машек-Глашек, адреса кровных врагов и попросту почитать мемуары из серии «здесь был Миклухо-Маклай». Народ толпился в сторонке около развевающейся на ветру желтой ленты, а хмурые оперативники работали не покладая рук. Игорь сразу занялся опросом населения, а Кочкин, махнув в воздухе удостоверением, устремился к телу, приваленному к серому бетону забора, – крашеная блондинка в коротком бирюзовом плаще, на шее темная полоска от удавки.

– Телефониста работа, – буркнул судмедэксперт Василич, поворачиваясь к следователю. Кочкина он знал и очень ему сочувствовал: ловить маньяка – дело трудное и нервное.

Максим Григорьевич, увидев, что убитая – не Олеся Лисичкина, немного успокоился, к трупам он за время своей работы так и не привык и изо всех сил старался быть хладнокровным и равнодушным – но не получалось, не получалось.

– С этой стороны пустынно, народ вечером не ходит, так что убивай сколько хочешь, – прокомментировал Василич. – Смерть наступила около двенадцати, душил, как всегда, тонкой леской или веревкой. Документы при ней имеются – хоть с опознанием проблем нет. Соловьева Любовь Васильевна, тридцать два года. К забору ее Телефонист подтащил, вот туфли и свалились, – Василич указал на лежащие на земле туфли.

Кочкин внимательно смотрел на убитую женщину. Смотрел и качал головой – никак он не мог нащупать связующее звено между жертвами. На чем основан психоз Телефониста, по-прежнему оставалось загадкой. Может, он теперь решил убивать блондинок? Нет, что-то здесь не так... А если – убийство ради убийства? А если ему вообще все равно, кого лишать жизни?

Увидев в сторонке седобородого дедулю, отвечающего на вопросы оперативника, Кочкин поспешил к нему.

От дедули пахло перегаром и кислыми щами, с носа свисала бородавка, во всяком случае, Максим Григорьевич решил эту сосульку считать бородавкой, иначе приступы тошноты и изжоги могли здорово подпортить допрос.

– Брагин Матвей Андреевич, – представился дедуля, почесав затылок. – Помогаю следствию, стараюсь, – важно сказал он, наслаждаясь выпавшей на его долю ролью.

– Расскажите, как нашли девушку, – попросил Кочкин, после того как представился сам.

– Так я уже все вашим товарищам выложил...

– Еще раз, пожалуйста.

– Охотно, – кивнул Брагин, выгибая грудь колесом. Борода его раздулась, как парус, а густые брови подскочили на лоб. – Вчера к шести вечера я выпил лишнего, признаюсь, слаб я на это дело. Колбаса, что Зинка торгует – третий ларек справа на нашем рынке, оказалась отравленной, вы это запишите обязательно и Зинку накажите по всей строгости закона. Я пенсионер и денег много не имею, так могу хоть надеяться, что купленные триста граммов докторской не скажутся дурно на организме, нельзя же так мучить мой и без того страдальческий желудок...

Кочкин решил не перебивать и слушать все – не дай бог сбить этого лесовичка, пропустит потом самое важное.

– ...значит, откушал я колбасы и выпил портвейна, через полчаса желудок скрутило так, что от боли хоть на стену лезь, пришлось срочно искать укромное местечко для, так сказать, нужд сугубо интимных и индивидуальных. – Конкретнее, пожалуйста, – попросил Кочкин.

– Туалет мне понадобился. Я бы и домой побежал, но возвращаться потом обратно было неохота, до ужаса не люблю выпивать в одиночестве среди пыльной рухляди, предпочитаю поближе к народу и магазинам. Банкет-то у меня вчера планировался долгий, пенсию дали и в лотерею десять рублей выиграл, билет, правда, зараза, пятнадцать рублей стоил, но главное сам факт – не только участие, но и победа, – Брагин довольно улыбнулся, потер руки и задумался. – О чем я рассказывал?

– Вы искали укромное местечко...

– Ах да! Ну, так и нашел. Здесь неподалеку, за углом, есть брошенный ларек, без стекол, правда, шпана, видать, выбила, вот ведь безобразия, никакого уважения к людям... Ну так я и приспособил его под это дело. – Матвей Андреевич смущенно крикнул, щеки его порозовели. – А что прикажете делать, терпения не было уже никакого. А там возле ларька бутылок видимо-невидимо – целых семь штук насчитал, разве можно такому добру пропадать? Конечно же нет! Я их в уголочек поставил, думаю – после заберу, и обратно к рынку, Зинку за колбасу надо было пропесочить и портвейна еще прикупить, пока магазинчик не закрылся. Дорогую спиртягу себе позволить не могу, вот и хожу всегда на одну точку – в стекляшку около овощного. Цены там приемлемые, нам, пенсионерам, самое то. Живот, слава богу, прошел, и вечер совсем уж испорчен не был – выпил свое и закусил, как полагается. А сегодня с утра опохмелился остатками, авоську взял, – Брагин потряс в воздухе измочаленной сумкой, – и за бутылочками припасенными отправился. А тут – здрасте приехали, девица мертвая лежит! Ну, я бегом на рынок к охраннику, чтоб он в милицию звонил, значит.

Максим Григорьевич, понимая, что основной бред он уже выслушал, облегченно вздохнул.

– Когда вы увидели девушку, поблизости никого не было? – спросил он.

– Да какое там, ни одной собаки не мелькнуло. Один тут, как березка в поле, стоял.

Кочкин достал платок и промокнул выступивший на лбу пот, немного задержал дыхание, чтобы не вдыхать запах перегара и кислой капусты, и продолжил задавать вопросы.

* * *

Просыпаться Леське не хотелось, Веронике, впрочем, тоже. После насыщенного впечатлениями вчерашнего дня и после не совсем удачной стрижки они все-таки выпили бутылку вина и, наговорившись обо всем, завалились спать довольно поздно.

– Который час? – буркнула Леська, высовываясь из под одеяла. – Кажется, я сегодня со следователем встречаюсь.

– Полдесятого, – промычала в ответ Ника.

Олеся встала, потянулась и поплелась в ванную. Посмотрела на себя в зеркало и завывла – вчера она не только обкорналась по плечи, но и покрасила волосы перышками. Светлая голова теперь была обильно украшена рыжими и красными пятнами.

– Я – урод, – подвела она итог и включила воду.

– Маньяку ты теперь точно не нужна, – бросила Ника, проходя мимо двери.

Посчитав, что утром бояться нечего, девушки оделись и отправились в магазин. Запасы продовольствия подошли к концу, холодильник пустовал, а кушать хотелось. Около подъезда стояли две бойкие старушки и увлеченно о чем-то разговаривали. Леська автоматически прислушалась.

– Сестрица мне десять минут назад позвонила, я с ней побалакала и сразу к тебе спустилась, чтобы все пересказать, пока помню. Она у строительного рынка живет, того, что рядом с дешевым овощным, четыре остановки на трамвае от нас. Так у них там убийство произошло! Вроде женщину нашли мертвую.

– Да ты что! – воскликнула вторая старушенция, поправляя на голове плотный серый платок. – Неужто прямо убили?

– Придушили. Ты по телевизору про маньяка слыхала? Так может, это он ее и порешил, душегубец. Милиции там сейчас полным-полно, сестрица моя говорит, народ не подпускают, все осматривают и вопросы задают.

Леська с Никой переглянулись и, не говоря друг другу ни слова, бросились к автобусной остановке.

– Это Телефонист, я чувствую, что его работа, – плюхаясь на сиденье, выдала Леська. Она побледнела и от страха учащенно дышала.

– Мне тоже так кажется, – кивнула Ника.

Место, где произошло преступление, найти было нетрудно – народ толпился, машины с мигалками стояли у дороги, а люди и в форме и в штатском суетились на пяточке, огороженном желтой лентой. Леська увидела на земле большой черный мешок, в котором, по всей видимости, находилась жертва, и почувствовала легкое головокружение.

– Умираю-ю-ю, – протянула она, хватаясь за Никин рукав.

– Держись, надо все разнюхать. Посмотри внимательно, тут твоего следователя не видно?

Леська сразу же активизировалась и закутила головой во все стороны.

– Вот он! – воскликнула она и, не раздумывая, бросилась к Кочкину.

Увидев бегущую к нему странную рябую девушку в цветастом балахоне и объемной коричневой куртке нараспашку, Максим Григорьевич растерялся и на миг потерял дар речи. А девушка между тем, ловко увернувшись от милиционера, перепрыгнула через ленту и, закричав: «Товарищ следователь, как вас звать, я забыла!» – споткнулась и рухнула на землю прямо в грязь.

– Какого черта вы стоите, когда я лежу! – заорала она, и Кочкин ее узнал. Поверить своим глазам было сложно, но это все же была Лисичкина Олеся.

Максим Григорьевич помог ей встать, успокоил подбежавшего оперативника и оттащил девушку в сторону.

– Что все это значит? – спросил он, отряхивая ее рукав.

– Это вы мне должны объяснить. Какого черта Телефонист убил ее, а не меня? – Леська ткнула пальцем в черный мешок. – Вот так всегда, вот так всегда! Я так и знала, на меня даже маньяки уже не клюют, да где же справедливость на свете? Что я ему сделала, да как он мог, Телефонист проклятый...

– Молчать! – взревел Кочкин, привлекая внимание всех, кто стоял рядом. У девушки явно был шок, и она сама не понимала, что говорит. – Как вы здесь оказались?

– Случайно, – буркнула Леська, с ужасом понимая, что сейчас могла бы лежать мертвая на земле. Обернувшись, она посмотрела на маячившую около ленты Веронику и помахала ей рукой.

– Это кто?

– Подруга дней моих суровых. А кого убили? А это Телефонист? Что же теперь делать?

– Очень хорошие вопросы, – похвалил Максим Григорьевич, глядя на свои запачканные руки. Достал платок, стер грязь и потянулся за сигаретой – бросишь тут курить, как же! – Что у вас за вид?

– Конспирация.

– Похвально.

– Так кого убили?

– Молодая женщина, задушена.

– Я так и знала, так и знала, – затараторила Леська. – Но почему не меня, странно же все-таки...

– Может быть, у него очередь, а может быть, он действительно посмотрел, как вы теперь выглядите, и передумал.

– Так он меня еще не видел, это я вчера вечером перевоплотилась.

– Идите к подруге, сейчас я здесь закончу и поговорю с вами.

– Хорошо, – буркнула Леська и еще раз посмотрела на черный мешок и лежащие рядом с ним туфли на высоком каблуке. – Я себе тоже такие купить хотела, – вздохнув, сказала она и повернулась к Нике.

– Что купить хотели? – спросил Максим Григорьевич, ища глазами Игоря.

– Туфли такие купить хотела, красивые, и цена приемлемая, но мне не подошли, слишком узкие.

Кочкин почувствовал, как у него зашекотало в носу. Такое случилось именно в те моменты, когда в голове начинала крутиться очередная гениальная идея. На несколько секунд он замер, боясь спугнуть зарождающуюся мысль, а затем звучно чихнул, чем напугал Леську.

– Будьте здоровы, товарищ следователь, – сказала она, качая головой, – ладно, я пошла, буду вас ждать там, – махнула рукой в сторону Ники.

– Подождите, подождите, – остановил ее Кочкин. – А когда вы хотели купить такие же туфли?

– А что, на всех жертвах была именно такая обувь?

– Нет, на одной были кроссовки, на второй ботинки, на третьей, кажется, туфли, похожие на мокасины, но все же мне интересен этот момент.

– Пару недель тому назад примеряла, может, чуть больше, не помню уже. Я разведенная женщина с депрессией, мне кажется, вы все время забываете об этом! Придираетесь и требуете невозможного.

– А где именно вы их примеряли?

– Отсюда минут двадцать на автобусе, большущий магазин на Варшавке. – Леська опустила глаза на свои ботинки, купленные вчера, и тяжело вздохнула – сплошное уродство. – Народу там вечно толчется – ни пройти ни проехать, это потому, что такой магазин один в Москве...

– Как называется?

– Так же, как и фирма, выпускающая обувь. – «Коллекционер».

– Как? – просипел Кочкин.

– «Коллекционер».

Вот она, связующая нить! Максим Григорьевич аж задохнулся от нахлынувшего волнения. Маньяк-Телефонист убивал женщин, покупающих обувь фирмы с весьма примечательным названием. Маньяк явно считал себя Великим Коллекционером человеческих судеб – начитался книжек о себе подобных, скотина, и ломанулся убивать.

– Игорь! – крикнул Кочкин.

Помощник тут же образовался рядом. Леська, увидев такого харизматичного мужчину, захлопала ресницами и чуть не разревелась, вспомнив, во что она сейчас одета и какой куриный помет у нее на голове.

– Быстро дуй в прокуратуру, подними документы жертв, посмотри на фотографии, изучи отчеты. Меня интересует, какая обувь была на убитых, какой фирмы-производителя... Нет, поедем сейчас все вместе.

– Я с Вероникой, я без нее боюсь, – забеспокоилась Леська, пока не очень понимая, почему следователь так засуетился.

Кочкин махнул рукой, сейчас он вышел на след и в знак благодарности был готов терпеть хоть сто Олеськиных подружек.

Глава 5

Если ваша подруга слишком задумчива, поинтересуйтесь – не влюбилась ли она в помощника следователя.

Кочкин, Игорь, Ника и Олеся дружно толпились вокруг стола. Фотографии убитых передавались из рук в руки.

– Про кроссовки ничего не скажу, а вот такие мокасины я точно в магазине видела, помнится, там были еще и розовые, и зеленые, – произнесла Леська, чувствуя подступающую тошноту. Разглядывать мертвых женщин – занятие не из приятных. – У них если две пары берешь, то скидка десять процентов, а если три, то двадцать.

– Что-то я об этом магазине ничего не слышала, – задумчиво сказала Ника, – могла бы, между прочим, и меня с собой взять...

– Скажи спасибо, что не взяла, а то бы ты сейчас тоже ходила как пугало или лежала бы бездыханная в каком-нибудь овраге, – оправдалась Леська. – Да я сама всего один раз в этот «Коллекционер» ездила, открылся магазин не так давно, где-то полгода назад...

– Вот как раз Телефонист тогда и объявился, – кивнул Кочкин, уже ничуть не сомневаясь, что находится на верном пути.

– У меня обуви навалом, я бы вообще туда не потащилась, но Эдик помешан на кино...

– Кто такой Эдик? – спросил Игорь.

– Сосед, живет этажом ниже. Лоботряс, но парень хороший. Так вот, он помешан на кино: на презентации премьер ходит, покупает различные журналы, коллекционирует автографы актеров и так далее. Ему на какой-то вечеринке дали приглашение в магазин «Коллекционер», реклама, конечно, но там был купон – если одну пару обуви покупаешь, то вторая бесплатно. Мужики-то по магазинам таскаться не любят, вот он мне приглашение и подарил. Я и пошла.

– Понятно, почему ты меня с собой не взяла, – фыркнула Вероника, резко садясь в кресло, – делиться не захотела, а подругой еще называешься!

– Вовсе нет! – завелась Леська. – Просто у меня депрессия, понимать же надо! Я сначала что-нибудь сделаю, а только потом подумаю – и зачем я так поступила?

– Депрессия тут ни при чем! Ты всегда такая, голова набекрень...

– Тихо, – строго сказал Максим Григорьевич, понимая, что если не остановить балаган сейчас, то потом будет уже поздно. – Олеся Владимировна, не отвлекайтесь. Меня интересует Эдик, вспомните, как он предложил вам приглашение? Уговаривал пойти?

Леська показала Нике язык и повернулась к следователю с очаровательной улыбкой.

– Да нет, не уговаривал, принес стопку журналов почитать, а сверху лежало приглашение, сказал – «там вроде башмаки бесплатно дают» и все.

– А какую обувь вы купили в этом магазине? – задал следующий вопрос Кочкин.

– Никакую, – пожала плечами Леська.

– Как это?!

– То, что понравилось, мне не подошло, да и народу много было, я решила приехать как-нибудь в другой раз, но так и не собралась.

Максим Григорьевич и Игорь переглянулись.

– А почему тогда к тебе этот маньяк пристал, я не понимаю, – спросила Ника.

– Олеся Владимировна, вот вам листок, ручка, пишите о том, как Эдик предложил вам билет, и не забудьте указать его адрес, – сказал Максим Григорьевич.

– Его-то зачем вмешивать? – буркнула Леська, но все же стала послушно писать. Изредка она поднимала голову и косилась на Веронику, та же, в свою очередь, бросала короткие взгляды в сторону Игоря. Молодой человек курил, перешептываясь о чем-то со следователем.

Кочкин попытался разложить собранную информацию по полочкам. Олеся получила от приятеля приглашение в магазин – значит, этого Эдика надо проверить. Маньяк может и сам толкать выбранных жертв на покупку обуви, проверяя тем самым, подходят они в его личную «коллекцию» или нет. Олеся Лисичкина была в магазине и ничего не купила. Ей позвонили и предупредили, что скоро убьют, но убили не ее. Потому что она не подошла к «коллекции» жертв? Нет, что-то здесь не так. Возможно, маньяк не знает, что Олеся не купила себе обувь, и выжидает, пока она достанет пару из коробки и начнет ее носить. Этим, кстати, объясняется то, что Телефонист после предупредительного звонка не сразу убивает выбранную жертву, а делает это только тогда, когда она наденет обувь. Если так, то Олеся в относительной безопасности – никаких туфель у нее нет, но не устанет ли маньяк ждать? И сколько жертв у него на примете, за сколькими он приглядывает? Надо ехать в магазин, и еще надо поговорить с родственниками убитой сегодня Соловьевой. Эдик, Эдик, еще есть Эдик!

– Слова свои запротоколировала, – отодвигая лист бумаги, сказала Леська.

– Отлично, – кивнул Максим Григорьевич, пробегая глазами по строчкам.

Вероника притихла и практически не шевелилась – все ее внимание было направлено на Игоря. Русые волосы, ямочка на подбородке, в меру небрит – не мужчина, а мечта! Сердце шептало: «Шансов нет», – но душа согласиться с этим никак не могла. Душа рвалась в бой, подпрыгивая на месте от счастья.

– Что бы вы без нас делали! – самодовольно сказала Леська, закидывая ногу на ногу. Она растеклась по стулу и была готова слушать бесконечные слова восхищения, направленные в ее сторону. Ведь если бы она не обратила внимания на туфли, следователь еще бы сто лет думал о том, что связывает убитых. Теперь она будет в центре событий, возможно, очень скоро ей выдадут пистолет и представят к награде, почему бы и нет...

– Спасибо за помощь, – сухо сказал Максим Григорьевич. Мысленно он был уже очень далеко – задавал вопросы директору магазина и делал следующий шаг к поимке маньяка.

Интонация его Леське не понравилась, но она решила, что Кочкин просто растерял все слова благодарности от восторга и позже, когда очухается, не раз еще пожмет ее руку и, может быть, даже поцелует в щеку. Леська улыбнулась – какая-то глупость все лезет и лезет в голову.

– На этом мы с вами прощаемся, – сказал Максим Григорьевич, поднимаясь из-за стола, – идите домой и никуда не выходите, часам к четырем вам поставят определитель номера, а я постараюсь...

– Что значит – мы с вами прощаемся? – не поняла Олеся. Захлопала глазами, вытянулась в струну и грозно свела брови на переносице. – Вы что хотите этим сказать? Я сделала самое главное – вывела вас на магазин «Коллекционер», а теперь я вам не нужна и дальше расследование вы собираетесь вести без меня?

Кочкин удивленно уставился на Олесю, Игорь еле сдержал улыбку, понимая, что начальник вляпался, а Ника заволновалась – куда это подругу понесло, не хватало еще бегать по темным переулкам и искать преступников! Хотя если рядом будет бежать Игорь, то почему бы и нет...

– Да что это такое, так нечестно, – встрепелась Ника, – мы в деле!

Максим Григорьевич умоляюще посмотрел на Игоря, и тот взял ситуацию в свои руки:

– Дорогие дамы, выносим вам официальную благодарность, ну, а теперь попрошу на выход. Каждый должен заниматься своим делом, так что давайте без ненужных препирательств.

Очень ловко он выставил девушек за дверь, а чтобы отбить у них охоту и дальше бузить, проводил на первый этаж и подмигнул охраннику, давая понять, что на сегодня прием закончен.

– Гады, – подвела итог Леська, заводя мотор. – Это же надо, какие гады! Я-то думала, теперь пойдем на преступный мир вместе, плечом к плечу, уничтожим всех маньяков, ни один

мимо нас не проскочит, а что получается? Нас в сторону, а сами на передовую. Гады! Везде, везде ущемляют женщин! Ты меня слушаешь?

– Угу, – пробубнила Ника.

– Ни фиги ты меня не слушаешь!

– Что ты раскричалась-то? Все хорошо.

– Ты с ума сошла? Мир погряз в несправедливости, а у нее все хорошо!

– Я влюбилась, – выдохнула Ника, и ее щеки зарумянились.

Леська тут же остановила машину. Было абсолютно понятно, что подруга могла воспы- лать страстью либо к следователю, либо к его помощнику. Но кто из них? Почему-то жутко не хотелось, чтобы ее выбор пал на неуклюжего Кочкина. Лесья сама не могла понять, почему она так разволновалась, уж не ревность ли это? Нет, конечно, нет...

– А в кого? – спросила она, нервно царапая ногтем кожу на руле.

– В Игоря, – тихо ответила Вероника.

Когда Олеся в первый раз увидела Игоря, утром на месте убийства, она бросила на него восхищенный взгляд и даже успела представить, как он просит у нее номер телефона, но почему же сейчас по ее сердцу скользнуло облегчение, почему же так радостно, что подруга не выбрала Максима Григорьевича?

– Вот и хорошо, – выпалила Леська и, сама не зная для чего, добавила: – А то Кочкин такой дурак!

– А что же теперь делать? – растерянно спросила Ника, сама от себя не ожидавшая такой неуверенности. Обычно она начинала активно кокетничать с понравившимся мужчиной, и дня через два это давало нужный результат.

– Не бойсь, прорвемся! – громко объявила Леська, и машина рванула с места.

* * *

Игорь отправился разговаривать с родственниками убитой Соловьевой, а Максим Гри- горьевич поспешил в магазин «Коллекционер». Его темно-синяя «восьмерка» пыхла всю дорогу, предвещая скорую поломку. Кочкин гладил запыленную переднюю панель и шептал: «Потерпи, миленькая, вот получу зарплату, и тогда уж мы с тобой о-го-го!» Машина, входя в тяжелое материальное положение следователя, везла его дальше.

Магазин оказался вполне приличным – два этажа, яркая реклама, одетые в желтую униформу молоденькие девочки, распространяющие листовки у входа, искусственные цветы, похожие на настоящие, улыбчивые лица стройных продавщиц и бесконечные ряды всевоз- можной обуви. Максим Григорьевич изучил представленный ассортимент и без особого труда нашел и кроссовки, и туфли, и мокасины, купленные убитыми женщинами незадолго до смерти.

– У меня тридцать восьмой размер, – трясая над головой красным тапком, кричала дород- ная тетка, – а вы мне второй раз даете тридцать седьмой! Безобразие!

– Это что, – вторила ей другая, пониже и похудее, – я тут три дня назад сапоги зимние хотела купить, так моего размера вообще не оказалось.

Миная недовольных женщин, Кочкин направился к девушке, на груди у которой красо- вался бейджик с надписью «администратор зала». Представившись и предъявив удостове- рение, он попросил встречи с директором магазина, и девушка, не прекращая улыбаться ни на секунду, проводила его на второй этаж к двери, отделанной светлым деревом.

Директором оказалась миловидная женщина лет тридцати пяти, она сначала занервни- чала, узнав, кто к ней пришел, но потом быстро успокоилась – Кочкин ее заверил, что с пре- тензиями по работе магазина к нему никто не обращался и его визит с жалобами не связан.

– Тогда что вас привело ко мне? – поинтересовалась Лидия Андреевна.

– По долгу службы приходится искать многих людей, так что я к вам просто за информацией, – туманно ответил Максим Григорьевич, на самом деле не зная, с чего бы лучше начать.

– Буду рада помочь.

– Вашему магазину полгода, срок небольшой, случались ли за это время серьезные инциденты? Странные происшествия? Запомнилось ли что-нибудь в этом роде?

– Не знаю, – Лидия Андреевна немного растерялась: нервозности хватало, покупатели – народ вздорный, но что из этого может заинтересовать следователя, да и не навредят ли ее слова репутации магазина? – Да как-то ничего припомнить не могу... Витрину однажды разбили на первом этаже в зале, но это просто две покупательницы поругались и подрались, потом света два дня не было, электрики проводку чинили... Вы знаете, все не упомнишь, да и, если честно, один день похож на другой. Вот три месяца тому назад вывеску стащили. На улице на углу повесили указатель, так ночью его отковыряли вместе с куском стены.

– Вы заявление писали?

– Нет, что вы, ерунда же, по большому счету, подростки, наверное, не знают чем заняться.

– А что на вывеске было написано?

– Только название магазина, буквы красные, прописью.

Этот момент заинтересовал Максима Григорьевича, мысленно он поставил жирную галочку.

– А вывеска была большая?

– Нет, максимум метр, если вас интересуют точные размеры, я могу узнать.

Кочкин задал много вопросов, но ответы ничем интересным не порадовали. Лидия Андреевна пригласила администраторов зала, но они тоже не вспомнили ничего примечательного. – А за время работы магазина увольнений много было? – спросил он, хватаясь за последнюю соломинку.

Директриса тут же позвонила начальнику отдела кадров – четверо уволенных по собственному желанию, без вопросов и проблем, и один – уволенный со скандалом.

– Курочкин Семен Федорович устроился к нам сразу после открытия, проработал только три недели, а потом пришлось с ним попрощаться. Прекрасно его помню, со своими обязанностями не справлялся, еще и грубил...

– А какую должность он занимал? – спросил Максим Григорьевич, записывая все услышанное в толстый блокнот.

– Мастер. Иногда обувь поступает с незначительным браком, где-то скобочка отогнулась, где-то еще что-то, – Лидия Андреевна замялась, и Кочкин понял, что значительный брак тоже скрывался с помощью умелых рук мастеров. – Ну, вот он и должен был исправлять недостатки. А к нему как в комнату зайдешь, так все одна и та же картина – коробки с обувью в одном углу, а он с книжкой – в другом. Терпели мы, терпели, разговаривали, объясняли, но у нас же все-таки не изба-читальня.

– Вы сказали, что он уволился со скандалом?

– Да, раскричался, что интеллигенцию никто не любит и не понимает, что мы его права ущемляем, и еще что-то в этом роде, а на следующий день устроил маленькую демонстрацию. Простоял до обеда около дверей магазина с плакатом. Кажется, там было написано: «Руки прочь от интеллигенции!».

Поговорив с начальником отдела кадров, изучив личное дело Курочкина и еще немного покрутившись в торговых залах, Максим Григорьевич вернулся в прокуратуру. На его счастье, столовая была еще открыта. У общипанного фикуса сидел Игорь и торопливо поедал пирожки с капустой, запивая их остывшим чаем.

– Только что приехал, – жуя, стал отчитываться он, – был в квартире Соловьевой, живет с теткой, Телефонист звонил неделю назад, они тоже посчитали это шуткой.

– Понятно, – кивнул Кочкин, цепляя на вилку сморщенный шампиньон. – А что про туфли узнал?

– Купила пару недель назад. Тетка, кстати, тоже приобрела себе полусапожки, но маньяк что-то на нее не клюнул. О магазине узнали из рекламы, щит напротив их дома повесили.

Игорь стал торопливо рассказывать обо всем, что ему удалось разведать, Максим Григорьевич внимательно слушал, но мысли его все время уносились в сторону – к ранимому интеллигенту Семену Федоровичу Курочкину и к соседу Олеси Эдику.

Глава 6

Если вы поругались со следователем – немедленно миритесь, это вам обязательно зачтется в загробной жизни.

P.S. Помните, следователь – тоже человек и ему будет приятно, если вы покормите его чем-нибудь домашним.

– Ну, а как он тебе нравится? Очень сильно?

– Очень, – кивнула Ника, – сейчас уже кажется, что жить без него не смогу.

– Быстро же ты втрескалась!

– И это говоришь мне ты? Ты, которая влюбляется по пять раз в месяц и каждый раз утверждает, что это на всю жизнь?

Леськина улыбка растянулась до ушей, душевные волнения подруги ее забавляли: не часто строгую Веронику можно увидеть такой мечтательно-воздушной. Вот уже два часа они обсуждали Игоря и конца этому разговору, похоже, не было.

– Ты давай выходи за него замуж поскорее, – потребовала Леська, – а то меня скоро убьют, а я ваших детишек и понянчить не успею.

Ника ничего ответить не успела: телефон призывно запиликал.

– Да, – осторожно начала Леська, боясь, что это Телефонист опять решил порезвиться.

– Это Кочкин, – раздался в трубке знакомый голос.

– А, это вы, – начала выплескивать свою обиду Леська, – и как идет расследование?

– Спасибо, хорошо.

– Неужели! А я-то думала, что без моих советов и рекомендаций вы пропадете. Наверное, уже мысленно примеряете новые погоны, которые получите за поимку маньяка. Без меня вы его все рано не поймаете!

– Олеся Владимировна...

– Перестаньте со мной разговаривать так, будто мне сто пятьдесят лет!

– Олеся Владимировна... – замялся следователь. Переходить на «ты» он не собирался, но перед девушкой робел и слегка ее побаивался, – я звоню спросить – как у вас дела, все ли в порядке?

– О! Конечно, все в порядке, шейные позвонки не смещены и не переломаны, если вы об этом! Сердце стучит, а запах моего разлагающегося тела пока не ударяет в нос ни соседям, ни прохожим на улице!

Ника стала делать умоляющие знаки: такого отношения, по ее мнению, следователь не заслуживал. Кочкин вздохнул и попрощался, а Леська заметалась по комнате, тряся кулачками в воздухе и злобно стреляя глазами.

– Позвонил он, видите ли, узнать, не прибили ли меня еще! Чуткий и добрый! Только полюбуйтесь на него!..

– Что ты к нему пристала, – перебила Ника, – на работе человек.

– Это только благодаря мне он понял, что связывает убитых женщин, я в этом деле – самая главная! – Леська остановилась и вздернула нос. – Я сама расследую это дело, посмотрим, кто из нас умнее! Завтра же поеду в магазин и ты, кстати, поедешь вместе со мной.

– У меня ученики.

– Ничего, найдем время.

– Мне вот почему-то кажется, – сказала Ника, – что если маньяк тебя еще раз увидит около обувного магазина, то он точно тебя убьет.

Леська села рядом с подругой на диван и тяжело вздохнула – умирать по-прежнему не хотелось.

С самого утра в душе образовалась непонятная тоска. Стоило только сунуть ноги в горячо любимые розовые тапочки с помпонами, как внутри что-то заныло и забеспокоилось. Леська почистила зубы, выщипала брови, выпила кофе и, решив начать день с самого начала, снова легла в постель. Повторное просыпание, случившееся через пятнадцать минут, ни к каким изменениям не привело, и даже повторная чистка зубов ситуацию не переломила. Леська подошла к кровати, на которой сопела Ника, и ткнула ее в плечо. – Доброе утро, – сказала она, наблюдая как подруга приоткрывает правый глаз.

– Че случилось-то? – пробубнила Ника, пытаясь вернуться к сказочному сну, состоящему из сплошных встреч и поцелуев с Игорем.

– Мне плохо, а я не знаю почему.

– Тоже мне задачка. Ты вчера на следователя незаслуженно наехала, наверное, это у тебя запоздалые угрызения совести.

– Точно, – кивнула Леся и села на кровать.

Противный Кочкин, все из-за него, все из-за него! Мало того, что не допускает ее к расследованию, заставляет сидеть дома целыми днями и слишком редко ей звонит – всего один раз, так он еще к тому же является причиной сегодняшней депрессии. Безобразие!

– А почему это ты считаешь, что он ни в чем не виноват?

– Потому что он милый, пухлый человек, ищущий маньяков и убийц. Спасает вот таких клуш, как ты, и еще терпит от них всякое ворчание. Нечего путаться у него под ногами, ты только мешаешь, – ответила Ника. Сон был испорчен, и ничего не оставалось, как только проснуться.

– И что мне теперь делать?

– Грехи замаливать.

– А как?

– Сделай ему что-нибудь приятное.

– Я приятное не умею. Это слишком трудно и отнимает много времени.

– А куда ты торопишься? Вот как раз в твоём положении, когда одна нога уже в могиле, а вторая зависла в воздухе, не мешало бы сделать пару-тройку добрых дел, чтобы потом никому не пришлось в голову перетапливать твою попу на сало. Ну-ка говори, хочешь жариться на сковородке в аду?

– Нет!

– Тогда бухайся Кочкину в ноги.

Леська подскочила и направилась к шкафу.

– Я ему так и скажу, – натягивая кофту в цветочек, решительно начала она, – простите, виновата, осознала, больше не буду. Вы, Максим Григорьевич, очень хороший человек, а я – неблагодарная поганка мухоморская. Так пойдет?

– Неплохо, – кивнула Ника, натягивая джинсы.

– А еще я ему скажу, что готова понести любое наказание и он со мной может делать, все что захочет. – Леська мечтательно захлопала ресницами, по ее лицу растеклась блаженная улыбка.

– Э, ты там что удумала, не пугай мужика, он и так, похоже, тебя боится. С пустыми руками, кстати, идти как-то не очень... Давай испечем ему пирог, сидит небось, бедный, на казенных харчах, язву желудка зарабатывает.

– Это ты хорошо придумала, – засуетилась Леська. Стянула кофту и достала из шкафа майку, – сейчас испечем, делов-то! Он меня сразу простит, как миленький простит. Мне вообще сейчас надо делать добрых дел побольше, перед смертью это очень полезно. А вот я в прошлом году старушку через дорогу перевела, как думаешь, мне это зачтется?

– Зачтется.

– Эх, знала бы я тогда, что мне это пригодится, я бы ее и туда и обратно проводила по два раза.

Ника только покачала головой и устремила на кухню.

Леська готовить не умела и искренне надеялась на подругу. С трудом отыскав в ящике стола пыльный журнал с изображением кекса на обложке, она радостно помахала им в воздухе:

– Рецепт у нас есть, дело осталось за малым.

Ника готовить умела, но только яичницу, макароны по-флотски, борщ и тефтели. Еще она ловко делала бутерброды, и на этом ее кулинарные способности заканчивались. Но, оглядев Леськину кухню, пестрящую сковородками, венчиками и кастрюлями, пролистав журнал с красивыми аппетитными картинками, вспомнив передачу, в которой обаятельный повар легко и непринужденно приготовил бесподобный торт, она изрекла:

– Приготовим не хуже других, яйца бить умеем, а с остальным разберемся по ходу дела.

Леська восхищенно посмотрела на подругу, почувствовала, как уверенность расплзается по всему телу, и, переполненная энтузиазмом, бросилась в неравный бой с мукой, маргарином и миксером.

– Что будем печь?

– Кекс – слишком просто, – переворачивая страницу, сказала Ника. – Нужен пирог, мужики любят, когда начинки много. У тебя капуста есть?

– Не-а.

– Эх ты, а рыба?

– Не-а.

– Эх ты, а мясо?

– Замороженное.

– Эх ты, а что у тебя есть?

– Банка вишневого варенья.

– Сомнительно... Хотя, глядя на твоего следователя, можно сразу сказать, что сладкое он любит.

– Почему это – на моего следователя, ничего он не мой, – запротестовала Леська, включая духовку.

– Не придирайся к словам. Ты как думаешь, он Игоря угостит кусочком?

– Конечно, не слопает же все сам, – ответила Леська. Вытащила из шкафа банку с вареньем и повертела ее в руках.

– Тогда давай скорее готовить.

Подходящего рецепта не нашлось, поэтому тесто было решено взять от кулебяки и добавить в него побольше сахара. Продукты полетели в миску. Миксер жажужжал, с легкостью перемальвая все в однородную массу, – сплошное любованье.

– И почему это я раньше пирогов не пекла, – пожалала плечами Леська, – это же так просто!

Первый кусок теста, хоть и порвался в пятнадцати местах, но все же раскатался. Залепив дырки маленькими заплатками, Ника любовно оглядела дело своих рук.

– Супер, – сказала она, вываливая на него варенье. Затем раскатала второй кусок теста и положила сверху. Пирог заколыхался, как материк при землетрясении. – Ничего, в духовке схватится.

Отправив свое произведение в духовку, девушки подвинули стулья к плите и уселись перед светящимся окошком.

– Смотри, что-то он не поднимается, – со знанием дела сказала Ника.

– Не все же сразу, – ответила Леська, чувствуя, как от волнения перехватывает дыхание. – Подумать только, это мой первый пирог!

– Наш первый пирог, – поправила Ника.

– Мы сделали это, мы смогли!

– Не радуйся раньше времени.

– Да посмотри, какой он чудесный, просто загляденье. Максим Григорьевич меня сразу простит.

– А варенье с косточками было?

– Не знаю, – пожалала плечами Леська, – посмотри, что на банке написано.

– С косточками, – кивнула Ника, чувствуя, как настроение медленно падает вниз. – Ладно, ничего страшного, ты как пирог подаришь, так сразу и предупреди, чтобы ел аккуратно. Взрослый же мужик, справится. И Игоря пусть предупредит.

– Ага. Смотри, смотри, расти начал!

Девушки прильнули к окошку духовки. Пирог действительно немного приподнялся, а середина надулась. По кухне стал разноситься аппетитный запах.

– А пахнет как... – блаженно выдохнула Ника.

– С ума сойти, – подтвердила Леська. – Давай не будем на него смотреть, а то он разволнуется и осядет. Пойдем в комнату.

Делегация из двух новоиспеченных поваров на цыпочках покинула кухню. Терпеть было очень трудно, но все же девушки сели перед телевизором и десять минут делали вид, что наслаждаются слезливым сериалом.

– Давай уже пойдем и проверим, – не выдержала Ника. – Глянем одним глазком, и обратно.

– Подожди, в журнале написано, что должен выпекаться тридцать пять минут, еще немного осталось.

Аппетитный запах сменился на нечто иное...

– Кажется, горит, – неуверенно сказала Леська.

– Кажется, воняет, – подтвердила Ника.

Девушки устремились на кухню. Из духовки валил дым – тесто треснуло, а плохо склеенные края пирога разошлись по швам, выпуская на свободу кипящее варенье. Бордовые капли стекали с формы и падали на горячее дно духовки.

– Скорее вынимай! – закричала Леська, прыгая от волнения на одном месте.

– А где у тебя полотенце?!

– А я откуда знаю!

Натыкаясь друг на друга, сея панику, они все же отыскали замусоленную прихватку и вытащили почерневший по краям пирог.

– Ничего страшного, – успокоила Ника, вынимая из ящика нож, – сейчас все лишнее обкромсаем...

– А что, у пирогов бывает что-то лишнее?

– У некоторых бывает. У тебя сахарная пудра есть?

Леська достала тощий бледно-голубой пакет и протянула подруге, та кивнула и с возрастающим энтузиазмом стала обрезать края и счищать выкипевшее варенье с поверхности пирога. Через десять минут пирог имел более сносный вид, но все же от идеала был далек.

– Ну и что, – развела руками Ника, – зато когда Кочкин его увидит, то сразу поймет, что это пекла ты... То есть он поймет, что перед ним домашняя выпечка, а не какой-нибудь бездушный кекс в целлофановой упаковке, провалявшийся на прилавке магазина полгода.

– А как мы его назовем?

– «Мечта замерзшего якута».

– Я серьезно!

– Что тут выпендриваться, надо как-то попроще... «Вишневый сад».

– Годится.

Леська и Ника собрались очень быстро, упаковали «Вишневый сад» и направились к следователю. Погода была прекрасная, настроение тоже. Запах из пакета доносился вполне сносно.

ный, так что девушки расправили плечи и уже не сомневались – Максим Григорьевич смягчится и простит им все, что только можно, а у Игоря обязательно проснется тяга к семейной жизни.

– Вы к кому и по какому вопросу? – спросил угрюмый дежурный, скучающий за столом при входе.

– Я к Кочкину, – твердо сказала Леська. Вероника отошла в сторонку и приготовилась ждать возвращения подруги. – Позвоните и скажите, что Лисичкина пришла.

Дежурный тут же набрал номер следователя и, услышав: «Пропустить немедленно», даже не стал интересоваться тем, что за объемный пакет у нее в руках.

Леська немного потопталась у двери кабинета, прорепетировала слова извинения, подбодрила себя тем, что пришла не с пустыми руками, пару раз вздохнула и шагнула за порог.

– Доброе утро, – кивнул Игорь и с интересом уставился на девушку: вроде ее не вызывали.

– Что-нибудь случилось? – сразу же спросил Максим Григорьевич.

Леське показалось, будто со вчерашнего дня он похудел и осунулся – работает, бедненький, маньяков ловит, ну ничего, сейчас пирожок покушает и с новыми силами – в бой!

– Случилось. То есть нет... Понимаете, Максим Григорьевич, мне нужно с вами поговорить... – Она посмотрела на Игоря, и тот, поняв, что сейчас следователя замучают какой-нибудь ерундой, поспешил к двери.

– Пойду покурую, – бросил он, подмигивая Кочкину. Ему очень хотелось остаться и посмотреть, что учудит эта красавица, но раз у людей личные переговоры, то, увы, мешать им не следует.

Максим Григорьевич занервничал – хорошего ждать от Олеси Лисичкиной не приходилось. Вроде бы ничего плохого она не делала, но голова от нее пухла и пухла, пухла и пухла...

– Слушаю вас.

– Я тут... Ну, это... Нагрубил вам немножко... – начала мямлить Леська и тут же изменила тон, стараясь переложить свою вину на другие плечи: – Но это вы во всем виноваты, и вообще, у меня депрессия, а никому до этого дела нет! Меня скоро убьют, расчленят и выбросят в реку, я – самая несчастная на свете, между прочим! – Она всхлипнула, выпятила нижнюю губу вперед и попыталась выдавить из себя слезу.

– Я не очень понимаю...

– Короче, простите меня за то, что нагрубил, – подвела итог своей речи Леська.

– А-а-а, вот в чем дело, – протянул Кочкин и улыбнулся. Непонятная радость заплескалась в душе. Пожалуй, никто перед ним вот так не извинялся, да и вообще, мало кто задумывается о том, что и следователи не лишены чувств. А Лисичкина – ничего вроде, ненормальная немного, но ей это даже идет... – Пустяки, я и внимания не обратил.

Максим Григорьевич смутился и покраснел.

– Очень хорошо, что вы на меня не сердитесь, а то знаете, как страшно умирать, когда грехи в спину дышат! А это вот пирог, – Леська положила на стол пакет, – «Вишневый сад» называется. Я сама испекла... Ника совсем немного помогала. Кушайте на здоровье.

Максим Григорьевич смутился еще больше. Пробормотал: «Спасибо» – и сделал робкий шаг вперед.

– Ну, я пошла, – радостно произнесла Леська и выскочила за дверь. Чудесно все получилось, просто чудесно!

Спустившись на первый этаж, она вспомнила, что забыла предупредить Кочкина о косточках, попавших в пирог по невероятному недоразумению. Махнув рукой, мол, не маленький, разберется, она поспешила к Нике.

* * *

Проводив взглядом направляющуюся к следователю подругу, Вероника прислонилась к стене и покосилась на дежурного – так себе субъект, ничего интересного. Разве может кто-нибудь сравниться с Игорем? Конечно же нет. Она подошла к стенду с надписью «Информация» и попыталась уловить свое отражение в стекле. Поправила волосы и кокетливо улыбнулась.

– Подругу ждете? – услышала она знакомый голос и, не поверив ушам, резко развернулась.

Перед ней стоял Игорь. Сердце Вероники подскочило до потолка.

– Ага, – кивнула она, размышляя, как бы произвести на понравившегося мужчину неизгладимое впечатление.

– А по какому делу пришли? С маньяком связано?

– Не совсем. Пирог принесли.

– Что? – правая бровь Игоря удивленно взлетела вверх.

Подумав о том, что комплименты и легкий подхалимаж любят не только женщины, но и мужчины, Ника для храбрости вдохнула в легкие побольше воздуха и ответила:

– У вас такая трудная и опасная работа, вы боретесь с преступностью, рискуя жизнью, мало спите и не всегда успеваете покушать, вот мы и решили немного побеспокоиться о вас – испекли пирог. Это, конечно, пустяк, но от чистого сердца. Не каждый день встречаются настоящие мужчины...

Игорь смущенно закашлял, дежурный фыркнул и углубился в журнал.

– Спасибо, как-то неловко даже...

– Ну что вы, – Ника очаровательно улыбнулась и заправила локон за ухо. Только бы Леська подольше не приходила! – А вы давно здесь работаете?

– Шесть лет.

– Много негодяев поймали?

– Прилично. – Игорь заглянул в голубые глаза девушки и, сам того не ожидая, предложил: – Может быть, встретимся как-нибудь, кофе попьем или в кино сходим?

Дежурный фыркнул еще раз, а Ника чуть не запрыгала на месте от радости. О! Ура! Ура! Теперь главное, чтобы он не передумал. Она достала из сумочки ручку и блокнот, написала номер своего телефона и протянула бумажку Игорю:

– Позвоните, как будет время.

Она постаралась не показывать своего волнения: пусть думает, что встречи с очаровательными помощниками следователей для нее самое обычное занятие. На лестнице появилась довольная Леська, кажется, мероприятие с извинениями и пирогом прошло успешно.

– Я позвоню, – сказал Игорь, убирая листок с номером телефона в карман.

Глава 7

Если давно забытые мужчины начинают вновь проявлять к вам хоть какой-нибудь интерес, радуйтесь – значит, вы еще живы.

Максим Григорьевич развернул пирог и с сомнением посмотрел на обструганную плюшку, посыпанную сахарной пудрой. Есть хотелось, к тому же девушки старались, так что нечего медлить, надо просто отрезать кусочек и отправить его в рот. Кочкин достал из шкафа нож и кружку.

– Попробуем, попробуем, – пробормотал он, усаживаясь за стол. Сделал глоток крепкого горячего чая и понюхал липкий, пахнувший вареньем «Вишневый сад».

В кабинет зашел Игорь, напевая мотив надоевшей песни. Он кинул взгляд на припудренное чудо и усмехнулся:

– Во девчонки дают! Шефство над нами взяли. Ты это уже ел?

– Нет, сейчас попробую, – ответил Кочкин и, зажмурившись, откусил половину отрезанного куска.

Сначала было горько, потом сладко, а потом раздался хруст, и невыносимая боль пулей пробила правую щеку следователя.

– Ммммм, – замычал он, вскакивая с места. – А-а-а!

– Вот чего-то такого я и боялся, – морщась от переживаний за Кочкина, сказал Игорь. Первым пробовать пирог он бы ни за что не стал. – Что там?

– Зуб, – еле выговорил Максим Григорьевич, глотая все, что было во рту, вместе с косточками. Бросился из комнаты в туалет и там долго полоскал рот над раковиной.

В кабинет Кочкин вернулся, держась за щеку. Пытаясь понять: назло Олеся Лисичкина притащила ему такую бомбу или просто от легкомыслия, он сел за стол и решительно отодвинул от себя и чай и опасный для жизни пирог «Вишневый сад».

– Я, пожалуй, это есть не буду, – усмехнулся Игорь, искренне сочувствуя другу.

Максим Григорьевич немного пожалел себя, выпил анальгин, сказал несколько крепких слов в адрес заботливой поварахи Лисичкиной и стал собираться на встречу с Самохиным Эдиком.

Кочкин решил не вызывать парня к себе, а навестить его дома – по окружающей обстановке можно многое понять. Предупредив о своем визите по телефону, он, чувствуя сверлящую боль сразу в нескольких зубах, поехал к Самохину.

Дверь квартиры ничем не отличалась от других – железная, обитая коричневым кожзаменителем, два замка и блестящая ручка. Дверь открыл черноволосый, кареглазый молодой человек лет тридцати.

– Кочкин Максим Григорьевич, – сразу представился следователь и протянул удостоверение.

– Проходите, – махнул рукой Эдик и направился в кухню. Поставил на стол пепельницу и закурил.

Кочкин нарочно стал снимать ботинки, и делал это медленно. Осматривая коридор, он пытался заглянуть и в комнаты. Неплохая мебель, диван и кресла яркой сине-оранжевой расцветки, низкий стол-трансформер, куча кассет на полу – холостяцкая квартира с легким беспорядком.

– Я не понял, что случилось-то? – поинтересовался Эдик, когда следователь сел напротив него.

– Не так далеко от вашего дома было совершено убийство. Вынуждены провести проверку, – ответил Кочкин. Боль мешала сосредоточиться, он уже стал подумывать о том, чтобы

обратиться к стоматологу, но страх перед жужжащим сверлом гнал эту мысль прочь – авось и так пройдет. – Будьте добры, покажите паспорт.

Эдик сходил за паспортом и вновь развалился на стуле, весь его вид демонстрировал глубокое равнодушие к происходящему.

– Вы работаете? – спросил Максим Григорьевич, листая страницы.

– Ну да.

– Где, кем? Почему сейчас не на работе?

– На киностудии, в массовке кручусь, – тонкие губы Эдика вытянулись в прямую линию.

Кочкин вспомнил, как Олеся рассказывала, что ее сосед увлечен миром кино, наверняка он мечтает о главных ролях и славе.

– Вспомните, где вы были пятнадцатого апреля, начните с самого утра, пожалуйста.

Эдик сморщился, пытаясь сообразить, о каком именно дне идет речь.

– Спал до двенадцати, позавтракал и сразу же пообедал, – он криво улыбнулся, – потом сходил в магазин за свежими журналами, потом заказал пиццу и телик посмотрел, потом поехал к другу на дачу.

– Во сколько?

– Часов в шесть вечера.

– Как зовут друга, адрес проживания и где находится дача?

Эдик ответил, а Кочкин записал его слова в блокнот. Молодой человек не производил практически никакого впечатления: явно ленив и явно относится наплевательски ко многим жизненно важным моментам.

– Когда вернулись?

– На следующий день к обеду.

Этажом выше жила Олеся Лисичкина, перспективная жертва маньяка и удивительный кулинар-кондитер, но подниматься к ней Максим Григорьевич и не думал. Боялся, что девушка захочет накормить его еще чем-нибудь приготовленным собственными руками – зубы было жалко. Задав еще несколько вопросов и попросив Самохина не выезжать из города в ближайшие дни, Максим Григорьевич отправился в прокуратуру, где сразу же взялся проверять алиби Эдика. Все подтвердилось: на дачу к другу он приехал к восьми часам вечера, помогал собирать недавно купленную мебель, а затем пил пиво практически до утра. Конечно, он мог предупредить друга, и скидывать со счетов этого не стоило, но пока можно было принять алиби на веру и двигаться дальше.

* * *

– Он предложил встретиться. Представляешь! Он предложил встретиться!

– Ты это повторяешь уже в десятый раз. – Леська закатила глаза и хлопнула дверцей машины. В душе она радовалась за подругу и даже смотрела на нее теперь с примесью восторга – Ника будет встречаться с помощником следователя, это же с ума можно сойти!

– Телефон-то ты ему правильный записала, цифры не перепутала?

– Что я, ненормальная, что ли!

Леська в ответ хихикнула, дразнить подругу было забавно, к тому же она сама могла перепутать все что угодно.

– А Кочкин меня простил, милый он все-таки.

– Наверное, сейчас ест пирог и нахваливает, – расплылась в довольной улыбке Ника. – Молодцы мы с тобой!

– Точно.

– Я сейчас к своему ученику заскочу, а ты давай домой дуй, и из квартиры чтобы носа не высовывала, а я часа через три буду.

– Ладно, – буркнула Леся, – хорошо вы все устроились, живете насыщенной, интересной жизнью, а я, как заключенная, в четырех стенах должна сидеть. Где справедливость?

В ответ на этот вопрос запиликал мобильник. Леська посмотрела на определившийся номер и сразу же повернула к обочине.

– Нда-а-а, – протянула она и тут же получила удивленный взгляд от Ники.

– Привет, это я, Николай.

– Мог бы и не представляться, – фыркнула Леся, – у меня не так уж и много было мужей, чтобы я в них путалась.

– Просто давно не разговаривали... Подумал, вдруг не узнаешь?

– Узнала. – Она хотела еще что-нибудь сказать, но в голову больше ничего не пришло. О Николае остались неплохие воспоминания, но все же прошлое – это прошлое.

– Я бы встретиться хотел.

– Зачем? – удивилась Олеся.

– Соскучился, – торопливо сказал Николай. – Что ему нужно? – сгорая от любопытства, прошипела Ника.

Леська пожала плечами и скривилась. Еще несколько дней назад она бы с радостью встретила с бывшим мужем, блеснула бы своей красотой и наврала чего-нибудь про нынешнюю роскошную жизнь. Но сейчас она выглядела не самым лучшим образом – балахонистая одежда и рябые, плохо подстриженные волосы. Произвести фурор и оставить в душе Николая горестное чувство утраты не получится.

– Даже не знаю... Сейчас столько дел... – Леська разрывалась на части – увидеться или нет?

– Просто посидим, поболтаем, – предложил Николай. – У меня работы полно, а тут несколько часов свободных образовалось, я почему-то сразу подумал о тебе.

– Хорошо, – сдалась Леська, разворачивая к себе зеркало заднего вида. Если подкраситься и зачесать волосы назад, то не так уж и плохо получится. – У меня тоже есть несколько свободных часов. Подъезжай к ресторанчику «Теплая осень» на углу, помнишь?

– Ага, буду минут через двадцать.

Стоило Леське отключиться, как Ника тут же засыпала ее вопросами:

– Николай? Ого! А чего он хочет? Встретиться? Соскучился, понятное дело, кто ему еще такие концерты закатит, – она захихикала.

– Фу на тебя, – тоже захихикала в ответ Олеся, – мы просто интеллигентные люди, которые хотят сохранить хорошие отношения и после развода.

– Опомнились, около трех лет прошло.

Ника отправилась к своему ученику, а Леська – на встречу с бывшим мужем. Ресторанчик «Теплая осень» был ею горячо любим – уютно, тихая музыка, приятные официанты и большие порции вкусной ароматной еды. Особенно радовало наличие шашлыка, приготовленного на углях, Леська всегда с удовольствием поглощала аппетитные, сдобренные специями кусочки свинины или баранины. Заняв столик у окна, украшенного оранжевыми кленовыми листьями, она почувствовала острый приступ голода и, не теряя времени даром, заказала для начала жульен и рыбный салат. Погрузившись в еду, Леська не заметила направляющегося к ней Николая.

– Привет еще раз, – улыбнулся он и сел напротив.

Леська от неожиданности поперхнулась.

– Угу, – кивнула она, пытаясь проглотить застрявший в горле гриб.

Николай располнел, а черные жесткие усы делали его похожим на кота, во всяком случае, Олеся показалось именно так. Он был в джинсах и объемном болотном свитере, который очень ему шел.

– Хорошо выглядишь, – сказал он.

– Не льсти, – она кокетливо дернула плечом. – Признаться, я удивилась твоему звонку. Может быть, все-таки что-нибудь случилось?

– Нет, – усмехнулся Николай, – просто подумал – почему бы не встретиться, вместе учились, вместе два года прожили.

– Было дело, – улыбнулась Леська. – Какие новости? Не женился еще?

– Нет, встречался с одной больше года, но как-то не сложилось.

– Я вот сейчас тоже в поиске, как оказалось, мужчин на свете очень много, и всех хочется непременно сделать счастливыми. Правда, большое количество мужей предполагает такое же количество свекровей, а это, признаться, удручает.

– Ты со второй тоже, что ли, не ладил? – хохотнул Николай.

– Не понимают они моей тонкой, ранимой души, – покачала головой Леська. – Вообще-то я во второй раз замуж по глупости выскочила, поторопилась. Впечатления неважные, хотя с другой стороны – разжилась машиной и стала значительно умнее.

Почти три часа легкой болтовни пролетели незаметно, две порции шашлыка удобно расположились в Леськином желудке и напоминали о себе приятной тяжестью. Она бы съела и третью, но на это не было уже ни сил, ни времени.

– Мило поболтали, – сказала Леська, вылезая из-за стола. – Особенно приятно, что за мою скромную трапезу заплатишь именно ты.

Николай проводил взглядом бывшую жену и заказал себе кофе.

У Олеси было чудесное настроение: встреча прошла прекрасно. Несмотря на минусы нового имиджа под названием «маньяки, проходите мимо!», она чувствовала себя уверенно. Конечно же Николай теперь будет всю оставшуюся жизнь жалеть, что упустил такую королеву. Думая об этом, она не могла сдерживать улыбку – собственные мысли забавляли.

– А как вы расстались? – спросила Ника, нажимая кнопку нужного этажа, лифт загудел и пополз вверх. Всю дорогу она заваливала подругу вопросами – не каждый же день та встречается с мужчинами из прошлого.

– Нормально, попрощались, и все. Вообще-то я его раньше очень любила, и, когда увидела, в душе аж все перевернулось, вот если бы пришлось встретиться со вторым супругом, я бы и бровью не повела. Веня – это мутное пятно на моей биографии.

Дверцы лифта разъехались в разные стороны. У стены, размалеванной черным фломастером, стоял невысокий мужчина тридцати двух лет, в котором и Леська и Ника без труда узнали Лапушкина Вениамина Сергеевича. Он теребил пояс короткого плаща и шмыгал покрасневшим от простуды носом.

Леська громко икнула, захлопала ресницами, замахала руками и пробормотала: «Чур меня, чур меня!» – потом вышла на площадку и подошла к Лапушкину поближе. Она даже хотела потрогать его – настоящий или нет, поверить собственным глазам было трудно. Два бывших мужа в один день – это уже слишком, не каждая нервная система выдержит такое! В голове мелькнуло – сговорились они, что ли, а с губ сорвалось:

– Тебя каким ветром-то занесло?

– Здравствуй, Олеся, – начал Лапушкин, косо поглядывая на Веронику, по всей видимости, поговорить он хотел наедине. – Я к тебе в гости, по делу.

– По какому?

– По важному.

Леська открыла дверь и, гадая, что же привело Веню к ней, скинула туфли, повесила куртку и отправилась на кухню ставить чайник. Не то чтобы ей вдруг захотелось стать гостеприимной хозяйкой, просто она так разволновалась, что почувствовала острую необходимость выпить таблеток пять валерьянки. Ника уже ничему не удивлялась, она села за стол и приго-

товилась хорошенько развесить уши: если не повезло поучаствовать в исторической встрече с Николаем, то уж здесь она своего не упустит.

Вениамин Сергеевич заглянул в ванную, вымыл руки, достал из кармана пластмассовую расческу и привел в порядок редкие волосы. Он выглядел намного старше своего возраста, чем очень гордился.

– Я буду чай с мятой, – сказал он, усаживаясь напротив Ники.

– Конечно, будешь, – кивнула Леська, кидая кубики сахара на дно чашек, – придешь домой, и мама тебе его заварит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.